

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№40

январь 2015

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 40
январь 2015 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	К итогам визита Сергея Шойгу в Тегеран.....23
Саудовская Аравия на пороге великих потрясений <i>Владимир Алексеев</i>5	Геополитические последствия «Турецкого потока» для Ирана.....27
Состоится ли в 2015 году сделка между Тегераном и Вашингтоном? <i>Игорь Николаев</i>10	Израиль: очередное преступление без наказания <i>Игорь Панкратенко</i>33
Иран-2015: Внешнеполитическая повестка <i>Игорь Панкратенко</i>14	Иран — верный друг России <i>Владимир Онищенко</i>38
Шойгу: Москва приветствует стремление Тегерана к расширению оборонных связей с Россией.....19	Что привез российскому президенту Али Акбар Велаяти?.....41

Краткое содержание номера

Январь 2015 года в ирано-российских отношениях ознаменовался двумя событиями, значение которых трудно переоценить — визит министра обороны России Сергея Шойгу в Тегеран и послание президента Рухани Владимиру Путину, которое доставил в Москву один из «архитекторов» внешней политики Исламской Республики Али Акбар Велаяти.

Вполне логично, что два этих значительных события стали главной темой очередного, 40-го по счету номера нашего журнала «Современный Иран», о кратком содержании которого мы и собираемся рассказать.

Успешный визит российского министра обороны в Тегеран, закончившийся подписанием межправительственного соглашения о военном сотрудничестве между нашими странами, позволяет на вопрос о том, станет ли реальностью сотрудничество России и Ирана в сфере обороны и безопасности, однозначно ответить «Да!»

«Впрочем, Сергей Шойгу на итоговой церемонии подписания этого документа справедливо заметил о том, что пока сделан лишь первый шаг, пока „создана теоретическая основа взаимодействия в военной области“, которую еще предстоит наполнить конкретными проектами», — говорится в редакционной статье «К итогам визита Сергея Шойгу в Тегеран». — «Но в отличие от состояния целого ряда других направлений ирано-российского сотрудничества, у военного руководства и в Москве, и в Тегеране, есть четко сформулированная „дорожная карта“ развития отношений в сфере обороны и безопасности. Поэтому подписанное соглашение, и здесь мы немного поправим привыкшего к максимальной сдержанности в оценках нашего министра обороны, не столько „теоретическая база“, сколько реальный фундамент для последующих договоренностей».

Официальное сообщение о встрече Владимира Путина со специальным представителем президента Исламской Республики Иран, советником Верховного лидера по международным делам Али Акбаром Велаяти не столько информирует, сколько интригует. Сама встреча проходила «за закрытыми дверями», подробности не разглашаются, а потому возьмем на себя смелость попытаться «сконструировать» свою версию произошедшего. Подробности — в материале **«Что привез российскому президенту Али Акбар Велаяти?»**, в котором, в частности, говорится: *«Но главное во встрече российского Президента с Али Акбаром Велаяти заключается не столько в экономических, сколько в политических аспектах. И своим посланием, и выбором кандидатуры посланника Тегеран сигнализирует Москве, что не испытывает иллюзий в отношении переговоров с США и подтверждает свой выбор в пользу стратегического партнерства с Россией. Предоставляя в качестве гарантий подобного выбора серьезные экономические преференции. Москва вновь получила шанс совершить прорыв на „восточном“ направлении своей политики».*

Говорят, что непредсказуемость является главным признаком иранской политической системы. Утверждение абсолютно ошибочное, и представляет собой отголосок раздражения тех государств и политических элит, которые

составляют в нашем мире антииранскую коалицию: «Давим, дескать, Тегеран, а он все не сдается и искусным маневром ускользает из того угла, в который его хотят загнать». В реальности же, внешняя политика Ирана глубоко логична и продумана. О том, какие задачи ей предстоит решать в наступившем 2015 году пытается ответить статья **«Иран-2015: Внешнеполитическая повестка»**. По сложившейся традиции, разговор о внешнеполитических задачах Ирана принято начинать с обсуждения вопросов о состоянии и перспективах ирано-американских отношений. Которые, опять же по неизвестно кем заведенной традиции, сводятся к переговорам по ядерной программе и вопросу о санкциях. *«Но совершенно очевидно, что две эти темы, как бы ни пережевывали их масс-медиа, являются не более чем вершиной айсберга под названием „ирано-американское противостояние“»,* — отмечается в статье. — *«Почему вопреки заверениям о „необычайном прогрессе“ на переговорах они, по сути, так и не могут сдвинуться с места? Почему же то единственное, чего светилам дипломатии удалось добиться за долгие годы, — это куцый женевский „временный протокол“? Потому что реальные корни иранофобии Вашингтона лежат совершенно в другой плоскости».*

Состоится ли долгожданная сделка между Тегераном и Вашингтоном в нынешнем году? Этот вопрос широко обсуждается экспертами с того момента, когда были объявлены итоги очередных президентских выборов в Иране, с момента, когда во главе исполнительной власти страны встал Хасан Рухани. К этому вопросу, в конечном итоге, сводится обсуждение любой горячей темы в ирано-американских отношениях, будь то ядерная программа или борьба с «Исламским государством». Вероятность этого события анализируется в материале **«Состоится ли в 2015 году сделка между Тегераном и Вашингтоном?»**, в котором особо подчеркивается: *«Обращаем Ваше внимание — не „соглашение“, не „взаимные договоренности“, а именно „сделка“ — слово, несущее негативное послевкусие и ощущение чего-то не совсем пристойного. Что, в общем, не удивительно, поскольку под „сделкой между Тегераном и Вашингтоном“ подразумевается целый ряд договоренностей между политическими элитами двух стран, подразумевается как отказ Ирана от некоторых важнейших принципов и завоеваний Исламской революции, так и „сдача“ им своих союзников и партнеров. В обмен на снятие экономических санкций и призрачную возможность получить статус „младшего партнера“ США в решении некоторых региональных вопросов».*

Традиционно — с пристальным вниманием — «Современный Иран» стремится отслеживать события, так или иначе связанные с двумя основными региональными противниками Тегерана — Саудовской Аравией и Израилем. Не стал исключением и 40-й номер журнала, в котором размещены две статьи, относящиеся к политике этих государств.

«Сделав Саудовскую Аравию своим основным стратегическим партнером на Ближнем Востоке, Вашингтон тем самым сложил все яйца в одну корзину. И теперь готовится пожинать плоды столь недалекновидной политики», — отмечает автор материала **«Саудовская Аравия на пороге великих потрясений»**. — *«Тем более что в стране усиливается волна террористической угрозы под воздействием ИГИЛ, а престиж короля как хранителя двух святынь Ислама (Мекка и Медина) упал из-за саудовского разрушительного вмешательства повсюду в арабском мире. Раздаются даже призывы ведущих улемов передать дела хаджа и управления двумя святынями в руки Всемирного совета муфти-*

ев. А если КСА распадется, то по региону прокатится волна революционных потрясений, направленных против консервативных режимов Аравии в целом».

Простая задача на сообразительность. Представим себе, что группа израильских советников едет в приграничном с Ираном районе, допустим, Азербайджана. В этот момент с иранской стороны появляется вертолет, который наносит ракетный удар по их автомашинам. В результате атаки погибают несколько израильских военных, один из которых — генерал. Внимание, вопрос: через сколько часов все мировые СМИ назовут Иран террористом, агрессором и потребуют суда международного трибунала? Через сколько часов главы западных государств и их союзников созовут экстренное заседание Совбеза ООН, чтобы объявить Тегеран частью «оси зла» и принять в рамках ООН самые суровые ответные шаги, сурово наказать эту страну? Другое дело, если что-то подобное совершит сам Израиль. Об этом — в статье **«Израиль: очередное преступление без наказания»**, темой которой стало убийство представителей движения Хизбалла и офицеров иранского Корпуса стражей Исламской революции, совершенное израильской армией и спецслужбами на сирийской территории.

Категоричное заявление главы Газпрома Алексея Миллера о том, что «газопровод «Турецкий поток» является единственным маршрутом, по которому могут поставляться 63 миллиарда кубометров российского газа, идущих сейчас пока транзитом через Украину, и других вариантов нет», наделало немало шума. Решение о строительстве такого маршрута экспорта энергоресурсов имеет серьезные геополитические последствия. Оправданы ли масштабные инвестиции в условиях, когда ожидается падение цен на газ из-за избытка предложения на мировом рынке? Поскольку главной темой для нас является политическая составляющая, ее Каковы геополитические последствия идеи «Турецкого потока»? На эти вопросы пытается ответить редакционный материал **«Геополитические последствия „Турецкого потока“ для Ирана»**. *«Проект газопровода еще даже не согласован, точка выхода на турецкий берег не определена, не говоря уже о том, что нет никакой проектной документации. Собственно, „Турецкий поток“ существует пока в виде меморандума между Россией и Турцией, который предполагает дальнейшее обсуждение планов. Остается только пожелать, чтобы эта откровенно ошибочная и непродуманная идея Газпрома, грозящая России серьезными геостратегическими потерями, так и осталась лишь на бумаге. Коммерсантам не место в большой политике»*, — говорится в статье.

Завершить наш краткий обзор 40-го номера журнала «Современный Иран» хочется на оптимистичной ноте, тем более, что к этому есть все основания. В январе нынешнего года в Москве была создана структура, призванная мобилизовать и консолидировать все здоровые проиранские силы российского общества — Российско-иранский совет по общественным связям (РИСОС), председателем которого на учредительном собрании этой организации был единодушно избран главный редактор журнала «Современный Иран», генеральный директор информационного агентства Иран.ру Раджаб Сатарович Сафаров. Подробности этого события — в материале **«Иран — верный друг России»**.

А о дальнейшем развитии событий, связанных с Ираном — в очередных выпусках нашего журнала!

Владимир Алексеев

Саудовская Аравия на пороге великих потрясений

Король Абдалла ибн Абдель-Азиз находится в глубокой коме и по мнению лучших специалистов мира вряд ли выйдет из этого состояния. Резкое ухудшение состояния здоровья короля вновь разожгло споры относительно кандидатуры его преемника и будущего всей страны и даже всего региона Персидского залива. Причем сейчас эти проблемы встали особо остро, возросла вероятность того, что в 2015 году к власти в этой стране придет новый король. Вместе с тем до сих пор продолжается дискуссия по вопросу о том, кто же именно станет наследником нынешнего монарха.

Король при смерти?

Абдалле ибн Абдель-Азизу сейчас 91 год, и он перенес уже несколько хирургических операций на пояснице. Сначала в Эр-Рияде заявили, что короля направили в больницу для сдачи некоторых анализов, однако потом выяснилось, что у него пневмония и он не может дышать самостоятельно. Уже много лет Абдалла испытывает тягу к курению, и некоторые источники сообщают о том, что у него к тому же рак легких. Правда, чуть позже из саудовской столицы стали раздаваться заявления о том, что после интенсивного лечения королю стало лучше и он идет на поправку. Однако в это верится с трудом. По крайней мере возникает вопрос, почему в последние дни Эр-Рияд каждый день посещают визитеры из США, представляющие самые различные политические круги и ведомства. А это говорит только об одном — Вашингтон готовится к уходу нынешнего короля КСА и пытается контролировать процесс смены власти в этой стране, чтобы там не случилось острой борьбы за наследство. Ведь США сами сделали так, что от Саудовской Аравии во многом зависит целый ряд факторов глобального и регионального значения: энергетическая стабильность в мире, что особенно актуально сейчас, когда Эр-Рияд при координации с Вашингтоном играет на резкое понижение цен на нефть на мировом рынке для того, чтобы максимально ослабить экономику России и Ирана; будущее Сирии, где саудовцы играют решающую роль в деле реализации планов по свержению правительства Башара Асада; ситуация в Ираке, где Эр-Рияд прилагает максимум усилий для ослабления позиций шиитского правительства в Багдаде; борьба с ИГИЛ, которая во многом финансируется из саудовской казны; ход пере-

говоров по иранской ядерной программе, в которые саудовцы лезут самым наглым образом, хотя и не являются их участником; военно-политическая безопасность в Персидском заливе; стабильность в Египте, где пребывание у власти военных опирается на финансовую помощь КСА; решение палестинской проблемы; ситуация в Йемене и т. д.

К чему приведет смена режима в Саудовской Аравии?

Сделав Саудовскую Аравию своим основным стратегическим партнером на Ближнем Востоке, Вашингтон тем самым сложил все яйца в одну корзину. И теперь готовится пожинать плоды столь недалевидной политики. Ведь от того, что произойдет после смерти короля Абдаллы, зависят многочисленные американские интересы в регионе. У США нет другого мощного союзника, за исключением Израиля, но Израиль — не арабская страна, и опираться на него в арабском мире просто глупо в нынешних условиях. Наиболее крупная страна региона — Иран — тоже не является арабским государством. И бежать к нему с протянутой рукой в поисках стратегического партнера — не поймут республиканцы, да и арабы Аравийского полуострова тоже. А Египет, который всегда был лидером арабского мира, разрушен «цветной революцией», которую США разожгли вместе с Саудовской Аравией и Катаром. Остальные страны либо не тянут на роль лидера арабов, либо сильно ослаблены «арабской весной». В частности, Ирак или Сирия. Поэтому для Вашингтона сейчас самое важное — плавный переход власти в КСА.

Иначе может произойти раскол в правящей династии, внутри которой и так много разногласий. Тем более что старое поколение, состоящее из сыновей основателя КСА, подпирают более молодые принцы — внуки и другие более молодые родственники короля Абдель-Азиза, создавшего королевство. Кроме того, в Саудовской Аравии много других кланов и семей, по происхождению не менее благородных чем Аль-Сауды, которые хотели бы восстановить хотя бы часть утраченных прав. Не говоря уже о технократах, которые выступают за тотальную модернизацию страны, понимая, что ее дальнейшее пребывание в измерениях 18-го века может закончиться полным коллапсом режима и распадом государства, искусственно созданного 85 лет тому назад британцами на базе осколков Османской империи. В Недже преобладают ваххабиты, в Хиджазе и на северо-западе — сунниты, в Восточной провинции — шииты, на юге — исмаилиты, на юго-западе — йеменские племена, многие из которых приверженцы шиизма. Тем более все это происходит в условиях общего обострения в КСА суннито-шиитского противостояния. Да и по внешнему периметру границ королевства не все спокойно. В Ираке идет война между ИГИЛ и силами, поддерживающими шиитское правительство в Багдаде, в Сирии давно полыхает кровопролитный конфликт, который сам же Эр-Рияд и разжег. В Йемене к власти пришли шиитские повстанцы-хуситы, поддерживаемые Ираном. С самим Ираном отношения весьма напряженные, опять же по инициативе саудовцев, которые видят в Тегеране конкурента и шиитскую революционную угрозу. Да и с соседними арабскими странами Аравии дела обстоят совсем не гладко. Многие предсказывают распад КСА на 3–4 государства, что и было

до образования королевства. Тем более что в стране усиливается волна террористической угрозы под воздействием ИГИЛ, а престиж короля как хранителя двух святынь Ислама (Мекка и Медина) упал из-за саудовского разрушительного вмешательства повсюду в арабском мире. Раздаются даже призывы ведущих улемов передать дела хаджа и управления двумя святынями в руки Всемирного совета муфтиев. А если КСА распадется, то по региону прокатится волна революционных потрясений, направленных против консервативных режимов Аравии в целом. При этом возрастет роль радикального исламизма, который уже получил почти реальное государственное образование в лице ИГИЛ.

Основные претенденты

Наследный принц саудовской династии Сальман (1935 года рождения) в настоящий момент занимает должность министра обороны страны и уже несколько месяцев возглавляет заседания правительства. Получив право на наследование престола в 2012 году, он представлял короля Абдаллу почти во всех заграничных поездках. До своего избрания наследником престола Сальман на протяжении 48 лет был главой администрации Эр-Рияда. Когда в 1963 году он получил эту должность, в городе проживало в целом 200 тысяч жителей, однако сейчас их число увеличилось, составив около пяти миллионов человек. Его кандидатура в качестве нового правителя считается более подходящей, хотя он сам сильно болен. И ему вот-вот исполнится 80 лет. Кроме того, в 80-х годах во время советского пребывания в Афганистане Сальман курировал сбор финансовой помощи афганским моджахедам и по этой линии поддерживал тесное сотрудничество с ваххабитскими кругами Саудовской Аравии.

Из-за проблем со здоровьем Сальмана в феврале 2013 года заместителем наследника был объявлен принц Мугрин, чтобы не нарушать принцип преемственности в престолонаследии. Мугрин (1945 года рождения, то есть ему уже 70 лет) получил образование в Королевском авиационном колледже Великобритании, а затем был зачислен летчиком в военно-воздушные силы Саудовской Аравии. Впоследствии его назначили на должность губернатора провинции Медина, а потом он возглавил саудовскую службу разведки. Помимо всего прочего, Мугрин поддерживает тесные связи с королем Абдаллой.

Все трое (Абдалла, Сальман и Мугрин) являются сыновьями короля Абдель-Азиза, основателя саудовской династии, у которого всего насчитывается 45 сыновей. В настоящий момент дети Абдель-Азиза входят в состав «Высшего семейного совета» («Шура Бейат»), который был образован Абдаллой в 2007 году для упрощения процесса выбора престолонаследника. Большинство экспертов сходятся во мнении о том, что Мугрин — это последний эффективный политик из всех сыновей Абдул-Азиза, поэтому, когда и если он станет наследным принцем после прихода к власти Сальмана, династии Саудидов будет непросто выбрать следующих претендентов на власть уже из внуков своего основателя. Данное обстоятельство поставит правящую династию королевства перед кризисом законности, с которым ей еще не приходилось сталкиваться за всю свою историю.

Молодое поколение рвется к власти

В любом случае, из примерно 1500 принцев, которые составляют костяк правящей династии КСА, доступ на самый верх получают единицы. Только законных сыновей у него было 45, и неизвестно сколько от рабынь-наложниц. Если каждый из них имел хотя бы столько же сыновей, как нынешний король Абдалла (15), и хотя бы половину этого количества имеет каждый из внуков (а старшим из них уже за 70 лет), то «кадровый резерв» окажется весьма внушителен. Среди этой когорты принцев наиболее достойными считаются те, кто и по материнской линии происходят от чистокровных саудовок из племенной элиты. После Мугрина бин Абдель-Азиза следующим по влиятельности является сын короля Мутеб бин Абдалла. Он первый из внуков короля-основателя, занявших в последние годы ключевые позиции в государстве, то есть в силовом блоке. Он много лет был заместителем своего отца, державшим в своих руках руководство Национальной гвардией, важнейшего властного инструмента — 70-тысячного войска, набранного из бедуинов. В 2010 году король передал командование сыну, а в 2013 году максимально повысил статус этой силовой структуры, образовав Министерство национальной гвардии, и тем самым формально уравнивал полномочия его главы с полномочиями министров обороны и внутренних дел. Первое из них, как уже отмечено выше, возглавляет наследный принц.

А вот министром внутренних дел в 2012 году стал принц Мохаммед бин Найеф (сейчас ему 55 лет). Пост перешел к нему по наследству от отца, бывшего одновременно наследным принцем (умер в июне 2012 года, имел «всего» 5 сыновей). Долгие годы принц Мохаммед являлся заместителем министра, отвечавшим, в частности, за борьбу против террористических формирований.

Еще один сильный человек из числа «внуков» — принц Бандар бин Султан. Это весьма известная личность еще с тех времен, когда его отец занимал пост министра обороны и был наследным принцем (умер в октябре 2011 года). С начала президентства Рейгана почти до конца президентства Буша-младшего Бандар был послом Саудовской Аравии в США, причем мог свободно посещать Белый дом, когда пожелает. Не случайно у него была кличка «Бандар Буш». После возвращения из Вашингтона король Абдалла назначил его сначала генеральным секретарем Совета национальной безопасности, а затем еще и главой внешней разведки. Правда, провалив все саудовские усилия по смене режимов в Сирии и Ираке, Бандар летом 2014 года был снят и ушел в тень.

Есть еще два губернатора важнейших провинций — столичной и Восточной, где сосредоточены основные залежи нефти. Губернатором Эр-Рияда в 2012 году назначен Халед бин Бандар, сын самого старшего из ныне живущих сыновей основателя Саудовской Аравии, и уже в силу этого весьма уважаемого и влиятельного члена правящей семьи. До своего назначения на пост столичного мэра принц Халед был командующим сухопутными войсками. Губернатор Восточной провинции Сауд бин Найеф до своего назначения в январе 2013 года уже был вице-губернатором этого региона, долгое время работал послом в Испании, несколько месяцев был начальником канцелярии своего отца — наследного принца. Но смерть принца Найефа не по-

ложила конец его карьере, напротив, он стал одной из самых влиятельных фигур среди «внуков», так как знает механизмы контроля за финансовыми потоками от экспорта нефти.

* * *

В любом случае, пока что ясно одно — скорее всего в случае смерти короля власть перейдет к наследному принцу или его заместителю. То есть править будет последнее поколение сыновей короля-основателя, находящееся в старческом возрасте и далекое от того, чтобы обладать крепким здоровьем. И оно вряд ли пойдет на какие-либо серьезные решения. Его функция будет весьма ограничена — обеспечить преемственность поколений династии Аль Сауд. Так что существенных позитивных перемен в политике КСА ожидать не стоит. Но это как раз слабое место, так как речь идет о консервации, а не решении проблем. Тем более что Эр-Рияд подвергает себя опасности финансового характера, дальше опуская цены на нефть, идя на поводу у США. А это уже вызывает недовольство других принцев и племенных кланов, которые получают дивиденды от нефтяных доходов. Их лидером условно является принц Валид бин Таляль — племянник короля. Вот он как раз и олицетворяет то поколение технократов, которое хочет реформы и модернизации ради выживания своей страны как единого государства. Но пока их шансы малы, если только они не пойдут на конфликт при передаче власти в случае смерти короля Абдаллы.

Игорь Николаев

Состоится ли в 2015 году сделка между Тегераном и Вашингтоном?

Состоится ли долгожданная сделка между Тегераном и Вашингтоном в нынешнем году? Этот вопрос широко обсуждается экспертами с того момента, когда были объявлены итоги очередных президентских выборов в Иране, с момента, когда во главе исполнительной власти страны встал Хасан Роухани. К этому вопросу, в конечном итоге, сводится обсуждение любой горячей темы в ирано-американских отношениях, будь то ядерная программа или борьба с «Исламским государством». Сейчас, когда прошло полтора года как у власти новый президент, этот главный вопрос звучит так: «Когда же состоится сделка между Тегераном и Вашингтоном?»

Обращаем Ваше внимание — не «соглашение», не «взаимные договоренности», а именно «сделка» — слово, несущее негативное послевкусие и ощущение чего-то не совсем пристойного. Что, в общем, не удивительно, поскольку под «сделкой между Тегераном и Вашингтоном» подразумевается целый ряд договоренностей между политическими элитами двух стран, подразумевается как отказ Ирана от некоторых важнейших принципов и завоеваний Исламской революции, так и «сдача» им своих союзников и партнеров. В обмен на снятие экономических санкций и призрачную возможность получить статус «младшего партнера» США в решении некоторых региональных вопросов.

Не будем себя обманывать — в Иране есть люди, которые готовы были бы заключить подобную сделку прямо сейчас. Найдутся и те, кто одобряют этот шаг и будут считать его единственно верным решением. Более того, подобную сделку горячо приветствовали бы и определенные политические круги в России. У них бы камень с души свалился, ведь случись подобное — не нужно было бы трястись от страха в ожидании негативной реакции Запада на любой, самый скромный шаг Москвы на «иранском» направлении. А облуживающие эти политические круги отечественные эксперты и журналисты с воодушевлением бы описывали процесс «возвращения Тегерана в лоно цивилизованного мира».

Для всех этих людей имеется плохие новости. Никакой сделки между Ираном и США в ближайшее время не произойдет, никаких «сепаратных» соглашений подписано не будет. Объяснять невозможность подобного события с позиций того, что наиболее активные и влиятельные иранские элиты остаются верны принципам Исламской революции — бесполезно, поскольку сторонники и

сочувствующие этой сделке идейных мотивов попросту не понимают. Поэтому система доказательств будет строиться с точки зрения сугубого, а в чем-то даже и «шкурного» прагматизма. То есть, исходя из принципа, а стоят ли уступки Ирана тех «благ», которые могут предоставить США. И здесь всех нас, при внимательном изучении этого вопроса, ожидает немалый сюрприз — то, что Вашингтон предлагает в качестве вознаграждения, либо ничем не обеспеченные «векселя», либо «мины замедленного действия». Такой вот товар.

Тегеран — смена курса

Опубликованное несколько дней назад на сайте Верховного лидера Ирана обращение к гражданам страны содержит четкий и недвусмысленный призыв не надеяться на то, что на открывающихся 18 января в Женеве переговорах с США будет достигнуто соглашение, которое приведет к отмене санкций против Исламской республики. «Американцы открыто заявляют, что даже если Иран пойдет на уступки в своей ядерной программе, то санкции против него не будут немедленно отменены», — говорится в заявлении, — «учитывая это обстоятельство, стоит ли им доверять?»

Учитывая полемику, которую ведет сейчас администрация Роухани со своими политическими оппонентами, критикующими ее за «излишнюю уступчивость и чрезмерные иллюзии», данное обращение, по сути, является приговором политике концентрации всех усилий иранской дипломатии на достижении договоренностей с Вашингтоном в части ядерной программы и снятия санкций. В пылу дискуссий Хасан Роухани 4 января заявил, что из-за антиамериканской и антизападной политики экономика страны пришла к кризису. Словно отвечая ему, в обращении Верховного лидера говорится, что «вопреки односторонним санкциям и множеству трудностей, Иран достиг серьезных успехов в промышленности и науке, а те, кто считают по-другому, глубоко заблуждаются».

У администрации нынешнего президента Ирана было достаточно времени доказать, что отстаиваемый им «курс на нормализацию отношений с Западом» даст свои положительные результаты. Более того, Рахбар осаживал особо рьяных противников президентской команды, постоянно подчеркивая, что Роухани и Зариф такие же «дети революции», как и те, кто их критикует. Но прошло почти полтора года — результатов практически никаких. Те беспрецедентные уступки, на которые пошел Иран в вопросах ядерной программы, не встретили ни поддержки, ни ответных шагов Запада. А потому, обращаясь к иранцам, Верховный лидер Али Хаменеи призвал их не «предаться иллюзиям», а больше внимания уделить тому, чтобы и экономика, и общество страны выработали иммунитет к западным санкциям. Поскольку то, что Вашингтон не намерен договариваться на взаимоприемлемых условиях, понял уже весь мир. Как понятно и качество предлагаемого им на переговорах «товара» — пустые обещания, ничем не обеспеченные «векселя».

О необеспеченных векселях и политическом шулерстве

А почему бы миру этого и не понять, если из Белого дома нам открыто подсказывают: «не будет соглашения, мы все равно найдем повод для затягивания переговоров, да еще и обвиним в этом Иран». На «торгах»

с Тегераном Вашингтон активно пользуется необеспеченными векселями ничего не стоящих заявлений. Биржевой спекулянт — это не профессия, это состояние души и образ жизни. Судите сами — наш общий любимец «лгунишка» Керри заверяет всех, что соглашение с Ираном вот-вот будет подписано. Джаваду Зарифу он говорит о том, что США ну просто мечтают скорее покончить с разногласиями в вопросах ядерной программы. По сути — работает на повышение стоимости «американских векселей».

А в это время его шеф в Белом доме для «своего» изрядно нервничающего союзника — израильского премьера Нетаньяху — делает заявление о том, что пусть, дескать, «неистовый Биби» не переживает: соглашение с Ираном, наносящее ущерб интересам Израиля, подписано не будет. Решение по данному вопросу состоится только после согласования с Тель-Авивом. Вот интересно, как же по мнению Обамы должен выглядеть текст документа, устраивающий Тель-Авив, если израильцы единственной гарантией своей безопасности считают полный запрет на любые ядерные исследования для Тегерана? И чего при таком подходе стоят слова Керри?

Но подобные махинации с политическими «векселями» — это еще не весь арсенал маклеров из Белого дома. В ход идет откровенное шулерство. Так, буквально перед открытием на этой неделе очередных переговоров в Женеве, немецкий «Шпигель» получает от «неизвестного доброжелателя, имеющего связи в спецслужбах» пакет документов о том, что в Сирии, в горном районе недалеко от города Кусейр, в двух километрах от сирийско-ливанской границы, идет строительство... ядерного реактора. Финансирует работы Иран, на объекте, помимо иранских и сирийских атомщиков трудятся и специалисты из Северной Кореи. «Эксклюзивные и абсолютно подлинные документы», спутниковые карты и перехваты телефонных разговоров иранских и сирийских должностных лиц прилагаются. По версии журнала, сооружение данного объекта началось вскоре после того, как предыдущий сирийский ядерный реактор был уничтожен в 2007 году ударом с воздуха, который нанесли израильские ВВС.

Фальшивка? Безусловно. Сработана израильскими спецслужбами? Очень даже вероятно, учитывая историю и источник появления подобных документов ранее, пресловутого «ноутбука иранского атомщика», «дела генерала Асгари» и операцию «Дельфин». Но кого это по большому счету волнует, если появилась такая возможность под благовидным предлогом отказаться от переговоров с Ираном как стороной, не заслуживающей доверия? Впрочем, вброшенная крапленая карта — и шулер снова в выигрыше.

Иракская «мина замедленного действия»

Война против «Исламского государства» в Ираке подняла градус ожидания неизбежной, по мнению многих, ирано-американской сделки. Иран и США воюют в одной стране? Против одного противника? Все ясно — или уже заключили секретную сделку, или близки к ее подписанию. Формула «враг моего врага — мой друг» мало того, что не всегда работает, так еще и совершенно не подходит к ситуации в Ираке. «Исламское государство» — это, в первую очередь, продукт суннито-шиитского противостояния и закономерный результат региональной «холодной войны», которую суннитские монархии Персидского залива, Израиль и Турция при поддержке США

длительное время вели против Ирана и его союзников — Сирии, Хизбаллы и движения «шиитского пробуждения». Именно поэтому «Халифат» для Тегерана — враг, без вариантов и компромиссов.

Для Вашингтона же «Исламское государство», если отбросить шелуху пропагандистских штампов о «походе против международного терроризма» и «борьбе с новым средневековьем», — более чем удобный предлог для продолжения «переформатирования Большого Ближнего Востока», создания новой системы сдержек и противовесов, которые, с одной стороны, сделали бы американский контроль над регионом менее затратным, а с другой — укрепили бы его с учетом появления новых игроков. Но главное в американской комбинации заключается в том, что Ирак — лишь подготовительный этап к окончательному решению сирийского вопроса, то есть свержения Башара Асада. «Переформатирование» Багдада — это строительство «дороги на Дамаск». В США открыто говорят о том, что свержение нынешнего сирийского правительства и замена его на «умеренный суннитский режим» станет сокрушительным поражением России, Ирана и Хизбаллы, от которого они уже не оправятся. И по сути все действия и планы США в отношении Ирака подчинены этой большой цели.

На проходивших 19 ноября прошлого года в американском Конгрессе слушаниях «О следующих шагах внешней политики США в Сирии и Ираке», Эллиот Абрамс, ведущий специалист Совета по международным отношениям, произнес ключевые слова: «Победа Ираном «Исламского Государства» будет означать поражение Соединенных Штатов». Поскольку важны не «халифат» и не Багдад, важен Дамаск. И далее: «На одной стороне — Иран, Хизбалла и Россия. На другом — Соединенные Штаты, ЕС и наши суннитские друзья из стран Залива. Имеет значение кто победит? Да, потому как во всем мире о власти, влиянии и воле Соединенных Штатов будут судить по результатам этого конфликта».

Комментарии излишни, а вопрос о том, нужен ли Иран Соединенным Штатам в качестве союзника в операции против «Исламского государства» имеет только один категоричный ответ — нет. Более того, любое сотрудничество с Соединенными Штатами в Ираке обернется для Тегерана «миной замедленного действия» и последующим поражением. Именно поэтому военно-политическое руководство Исламской республики и в первую очередь главный руководитель операций в Ираке, глава службы «Аль-Кодс» Корпуса стражей исламской революции генерал Касем Сулеймани максимально дистанцируются от любого взаимодействия с американцами и силами «антитеррористической коалиции» на территории этой страны.

* * *

Естественно, что в одном материале невозможно даже кратко перечислить все точки в регионе Ближнего и Среднего Востока, где интересы США и Ирана не только не совпадают, но и глубоко антагонистичны. Поэтому, стоит повторить еще раз для тех, кто надеется на некую «сделку» между Тегераном и Вашингтоном, — в этом году для них будут только плохие новости. Для этой «сделки» нет никаких реальных предпосылок кроме желания достаточно немногочисленной горстки людей, которые, к счастью, не обладают реальными возможностями для ее заключения.

Игорь Панкратенко

Иран-2015: Внешнеполитическая повестка

Говорят, что непредсказуемость является главным признаком иранской политической системы. Утверждение абсолютно ошибочное, и представляет собой отголосок раздражения тех государств и политических элит, которые составляют в нашем мире антииранскую коалицию: «Давим, дескать, Тегеран, а он все не сдается и искусным маневром ускользает из того угла, в который его хотят загнать».

В реальности, внешняя политика Ирана глубоко логична и продумана. И его внешнеполитическая повестка на предстоящий год практически сформирована. Главной задачей является обеспечение наиболее благоприятных внешних условий для модернизации экономики и социальной сферы страны, намеченной ее руководством. И, разумеется, «активная оборона», когда усилия антииранской коалиции встречают не только жесткий отпор, но еще и Тегеран приобретает дополнительные рычаги влияния на ситуацию в регионе Ближнего и Среднего Востока.

Кроме того, есть все основания предполагать, что в наступившем 2015 году иранское руководство, причем речь идет не только и не столько об администрации президента Хасана Роухани, окончательно определится с выбором стратегических партнеров. Собственно, их «кандидатуры» уже определены, но вот конкретные форматы сотрудничества нуждаются в кропотливой и серьезной проработке.

В реализации внешнеполитической повестки Ирана в 2015 году серьезное значение будет иметь экономический фактор. Правда, не совсем в том «пессимистическом» аспекте, о котором наблюдатели стали говорить после падения мировых цен на нефть. Да, экономика Ирана в нынешнем году будет испытывать серьезные затруднения. На первый взгляд, кризис неотвратим, поскольку для покрытия необходимых государственных расходов Тегеран должен продавать ту же нефть по цене не ниже 131 доллара за баррель. Однако, те меры, которые уже приняты иранским руководством — сокращение субсидий, некоторое повышение налогов и ослабление курса национальной валюты — вполне способны смягчить шок от падения цен на энергоносители. А грамотная экспортно-импортная политика, которую и должна обеспечить в нынешнем году иранская дипломатия, позволит стране не только не «свалиться» в кризис, но и остаться в плюсе. Закончив со «скучными» проблемами народного хозяйства, обратимся к увлекательному

рисунку международных и региональных интриг, в которых придется принимать участие Тегерану в нынешнем году. Право же, здесь нас ожидает и новое, и неожиданное.

США, Запад и ядерные переговоры

По сложившейся традиции, разговор о внешнеполитических задачах Ирана принято начинать с обсуждения вопросов о состоянии и перспективах ирано-американских отношений. Которые, опять же по неизвестно кем заведенной традиции, сводятся к переговорам по ядерной программе и вопросу о санкциях. Но совершенно очевидно, что две эти темы, как бы ни пережевывали их масс-медиа, являются не более чем вершиной айсберга под названием «ирано-американское противостояние». Почему вопреки заверениям о «необычайном прогрессе» на переговорах они, по сути, так и не могут сдвинуться с места? Почему то единственное, чего светилам дипломатии удалось добиться за долгие годы, — это куцый Женевский «временный протокол»? Потому что реальные корни иранофобии Вашингтона лежат совершенно в другой плоскости.

Иран является сегодня форпостом борьбы против неокOLONиальной политики США и НАТО на Ближнем Востоке. Иран жестко осаживает устремления стратегического партнера Вашингтона, Эр-Рияда, к гегемонии в исламском мире. Не говоря уже о том, что Тегеран довел до откровенного психоза «священную ближневосточную корову» США — Израиль. Но американская головная боль, вызванная Ираном, этим не исчерпывается. На международном уровне Тегеран становится одной из причин серьезных разногласий в стратегическом альянсе «США — Европа». Как верно то, что любая палка о двух концах, так справедливо и то, что санкции — оружие достаточно обоюдоострое. Иранский рынок был и остается мечтой западного бизнеса, прибыли, упущенные в результате санкционных мер США и комиссаров Евросоюза, — тот самый «пепел», который «стучит в сердца» европейских корпораций, особенно французских и немецких.

Сейчас эти нюансы скрывает волна исламофобии, захлестывающая Европу после теракта в Париже. Но они есть и вскоре, безусловно, проявятся с новой силой. Наступивший 2015 год не принесет существенных сдвигов на переговорах по ядерной программе и в вопросах санкций, поскольку реальный конфликт между США и Ираном гораздо глубже, чем технические вопросы о количестве центрифуг и уровне обогащения. Однако теперь внешняя политика Тегерана будет строиться не столько на сглаживании противоречий с Вашингтоном, сколько на активности в европейских столицах.

Ближний Восток, Ирак и Сирия

К счастью, высшее политическое руководство Ирана не обращает внимания на ставшие столь популярными в последнее время прогнозы о скором и неизбежном крахе правящего в Саудовской Аравии режима. Видимо, оттого, что в отличии от их авторов гораздо более адекватно представляет себе степень устойчивости этого государства и его «внутренние резервы». Но главное — оттого, что прекрасно понимает заинтересованность США в сохранении Эр-Рияда в качестве своего регионального «непотопляемого авианосца».

Понимают в Тегеране и другое. Для Вашингтона, по большому счету, совершенно не принципиально имя того, кто встанет во главе Саудовской Аравии после смерти короля Абдаллы. Кто бы ни был этот человек, к какой бы ветви династического клана он не принадлежал, пусть даже вообще будет со стороны, политические, финансовые, военные и другие, неофициальные, нити, связывающие две страны, останутся в сохранности. Да еще и выступят в качестве дополнительного стабилизирующего фактора.

Важнее здесь другое — среди монархий Персидского залива обострилось соперничество за лидерство. Временно отступил, но не забыл о своих амбициях Катар. Активно примеряют на себя роль лидера Объединенные Арабские Эмираты. Несколько особняком стоит Оман, стремящийся сохранить за собой роль посредника не только между монархиями, но и между ними и Ираном. На руку Тегерану здесь играет то, что Вашингтон не определился с тем, кому отдать первенство и стоит ли отдавать его вообще. Монархии, чтобы подтолкнуть американские элиты к выбору, сегодня идут на диалог с Тегераном, намекая на возможность установления в пике Эр-Рияду «особых отношений».

Разумеется, это явление временное. Разумеется, это дипломатический маневр. Но у Ирана появился прекрасный шанс использовать эти противоречия в королевских семействах. И он безусловно использует это для решения двух своих главных задач на Ближнем Востоке: сохранения Ирака как единого государства и отражения агрессии против Сирии. Ряд западных специалистов, кстати, считают, что и падение цен на нефть, и экономические трудности заставят Тегеран снизить свою активность на иракском и сирийском направлении. Но политическое руководство Ирана прекрасно понимает, что развал Ирака и падение Дамаска будет означать для страны стратегическое поражение. Это та ситуация, когда денег не считают, поскольку экономия на безопасности может обернуться гибелью Исламской республики.

Центральная Азия и Афганистан

Сложнее с внешнеполитическими приоритетами обстоит в отношении Центральной Азии и черной дыры региона — Афганистана. Безусловно, Тегерану хотелось бы расширить здесь свое влияние, учитывая и культурно-историческую общность, и экономические перспективы. Но для решения этой задачи, как когда-то выразился один известный политик, нужны три вещи — деньги, деньги и еще раз деньги. Которых у Ирана сейчас попросту нет. Ни состояние бюджета, ни состояние внешнеполитического потенциала не позволяют сейчас Тегерану вести самостоятельные «центральноазиатские» — казахский, таджикский, туркменский — или «афганский» проекты.

Вместе с тем, Иран крайне заинтересован в стабильности и безопасности этого региона. Выход из этого противоречия может быть только один — совместные «точечные» экономические проекты с отдельными государствами, тем же Афганистаном, Туркменией и Таджикистаном, и широкомаштабное партнерство с политическими «тяжеловесами», Индией, Китаем и Россией. Осознание того, что в одиночку с регионом «не справится», что для обеспечения своего присутствия, а в более широком смысле — безопасности и стабильности, вызывает в Тегеране определенное раздражение, ко-

торое иногда прорывается в статьях иранских политологов. «Внешне Россия проводит в международных делах политику многополярности, поощряя к тому же и Соединенные Штаты. Тем не менее по отношению к Центральной Азии и Кавказу российское правительство действует исключительно в одностороннем порядке... без оглядки на интересы других стран... Иран, который активно сотрудничает с этой страной на Ближнем Востоке, в Ливане, Сирии и Ираке, ожидает аналогичного участия и в решении проблем Центральной Азии и Кавказа, однако до сих пор Россия так и не приступила к реализации подобного партнерства», — пишет один из них. Но реальность такова, что для Ирана работа на центральноазиатском и афганском направлениях возможна только «в команде». Следовательно, в нынешнем году и руководству страны, и дипломатам придется серьезно поработать над форматом своего участия в этой «команде», выработкой наиболее приемлемых форм взаимодействия как с отдельными странами, так и с региональными организациями.

Россия и Китай

Вот плавно и наступил момент коротко сказать о главном, о том, какие задачи будет ставить перед собой иранская дипломатия в отношении России и Китая. То, что именно Москва и Пекин являются «естественными» стратегическими партнерами для Тегерана, — по большому счету ни у кого в Иране сомнений не вызывает. Как уже неоднократно писалось на Иран.ру, тесное сотрудничество между этими странами является объективной необходимостью. И потому состоится в любом случае, вне зависимости от «субъективных» факторов. Главный вопрос заключается в другом — в формате этого сотрудничества.

С Пекином все ясно. Его роль в качестве экономического партнера Тегерана возрастает с каждым годом. С января по ноябрь 2014 года товарооборот между двумя странами вырос на 36 процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 47,5 миллиарда долларов. Экспорт китайских товаров в Иран за одиннадцать месяцев 2014 года вырос по сравнению с 2013 годом (\$11,7 миллиарда) на 87 процентов и составил 22 миллиарда долларов. Иран экспортировал своей продукции на 25,5 миллиарда долларов, что на 10 процентов выше показателя аналогичного периода 2013 года (\$23,1 миллиарда). На фоне этих цифр ирано-российский товарооборот выглядит недоношенным карликом. Вдумайтесь только, в прошлом году российский экспорт в Иран составил 671,8 млн долларов, а иранский экспорт в Россию — всего лишь 291,1 млн долларов, т. е. весь товарооборот между Россией и Ираном в конечном итоге составил 963 млн долларов. Учитывая масштабы обеих стран, это практически нулевой товарооборот. Никогда в новейшей истории российско-иранского торгово-экономического взаимодействия такого еще не было. И исходя из позиций ЦБ РФ, Правительства и даже Президента (из ответа Владимира Путина на прямые вопросы Раджаба Сафарова в ходе его большой пресс-конференции, стало ясно, что в портфеле главы государства, к сожалению, на сегодня нет ни одной новой идеи, новых проектов по Ирану) практически нет никаких шансов надеяться на то, что в наступившем году что-то изменится к лучшему.

Следовательно, наиболее реальными сферами партнерства остаются сотрудничество в политическом урегулировании региональных конфликтных ситуаций — от Сирии и Ирака до Каспия, Южного Кавказа и Афганистана — и разработка совместных проектов в сфере безопасности — от противостояния терроризму до борьбы с наркотрафиком. Это не совсем обычная ситуация, когда сотрудничество по политическим вопросам опережает создание экономического фундамента партнерских отношений. Но это именно та реальность, которую иранская дипломатия должна и будет учитывать в нынешнем году при формировании общей с Россией повестки.

* * *

Краткое перечисление основных задач, стоящих в наступившем 2015 году перед иранской дипломатией, показывает, что на внешнеполитической арене этот год будет более чем напряженным. Пусть не со всем списком, но с основными пунктами, думается, Тегеран вполне в состоянии справиться. Поскольку, по большому счету, эти задачи — логическое продолжение той политики в регионе и на международной арене, которую Иран последовательно проводит с первых дней возникновения Исламской республики.

Шойгу: Москва приветствует стремление Тегерана к расширению оборонных связей с Россией

Министр обороны России находится с официальным визитом в Исламской республике Иран впервые за 15 лет

Москва выступает за долгосрочное и многоплановое сотрудничество с Ираном и приветствует стремление иранского руководства к всестороннему расширению связей с Россией, в том числе в оборонной сфере. Об этом заявил сегодня министр обороны РФ генерал армии Сергей Шойгу на переговорах с министром обороны Исламской Республики Иран бригадным генералом Хосейном Дехганом.

По словам российского министра, развитие конструктивных отношений между РФ и ИРИ «является важным фактором обеспечения международной безопасности и глобальной стабильности». «У нас, — продолжил Шойгу, — общие вызовы и угрозы в регионе, противостоять которым можно только сообща». Глава Минобороны РФ констатировал, что состоявшаяся в прошлом году в Москве его встреча с иранским коллегой заложила основу для активизации двустороннего военного и военно-технического партнерства. «Считаем, что в первую очередь необходимо сосредоточиться на укреплении его правовой базы», — отметил Шойгу. По его словам, «важным шагом в этом направлении станет подписание российско-иранского соглашения о военном сотрудничестве».

Сергей Шойгу предложил обсудить в ходе встречи перспективы взаимодействия двух стран в рамках данного документа, а также первоочередные практические мероприятия, к реализации которых стороны приступят уже в ближайшее время. Кроме того, он выразил заинтересованность в обмене оценками ситуации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Министр обороны России поблагодарил иранского коллегу за приглашение посетить Тегеран. «Это первый визит в Иран министра обороны РФ за последние 15 лет», — подчеркнул Шойгу (Предыдущая встреча Шойгу и Дехгана состоялась в рамках третьей Московской конференции по международной безопасности в мае 2014 года).

Перед началом переговоров министр обороны России и его иранский коллега возложили венок к Могиле Неизвестного солдата во дворе перед зданием военного ведомства Ирана. Для встречи высокого российского гостя был выстроен почетный караул, военный оркестр исполнил государствен-

ные гимны РФ и ИРИ.

В рамках переговоров стороны обсуждают актуальные вопросы активизации военного и военно-технического сотрудничества двух стран, а также вопросы региональной и глобальной безопасности. Запланирована встреча Сергея Шойгу с начальником генерального штаба вооруженных сил ИРИ генералом Хасаном Фирузабади. Российский министр высоко оценил усилия Ирана в борьбе с международным терроризмом. «Приветствуем настрой Тегерана на честное сотрудничество по Афганистану, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества. С удовлетворением отмечаем серьезные шаги, предпринимаемые иранской стороной по противодействию наркотрафику с афганской территории», — заявил Шойгу. Он отметил, что в контексте решения этих проблем «особую роль приобретает сотрудничество военных ведомств России и Ирана».

Как сообщил ранее начальник управления пресс-службы и информации Минобороны РФ генерал-майор Игорь Конашенков, в ходе визита планируется подписание соглашения о военном сотрудничестве двух стран.

В связи с началом визита агентство «Фарс» привело слова Хосейна Дехгана, который подчеркнул необходимость развития отношений Тегерана и Москвы в области обороны, назвав его важным фактором укрепления стабильности и безопасности во всем регионе Ближнего Востока и Средней Азии. Свое мнение генерал Дехган высказал еще в октябре 2013 года в ответном послании Сергею Шойгу на поздравления в связи с назначением на пост министра обороны ИРИ. Тогда же он указывал на особое место, которое отводится России во внешней политике Ирана, отметив, что «продолжение военного сотрудничества между двумя странами будет способствовать консолидации усилий по укреплению региональной и глобальной безопасности».

В свою очередь, иранское агентство ИРНА назвало двухдневный визит Сергея Шойгу в Тегеран выдающимся событием. Это государственное информационное агентство подчеркнуло, что с визитом министра обороны РФ «российско-иранские отношения выходят на новый уровень сотрудничества в области безопасности».

Предыдущая встреча Шойгу и Дехгана состоялась в рамках третьей Московской конференции по международной безопасности в мае 2014 года.

Военно-техническое сотрудничество Ирана и России. Справка

В основу военно-технического сотрудничества России и Исламской республики Иран /ИРИ/ легли межправительственные соглашения, подписанные СССР и Ираном в 1989–1991 гг.

По соглашению от 5 ноября 1989 г. в 1990–1994 гг. Ирану были поставлены два зенитно-ракетных комплекса большой дальности С-200ВЭ, 20 истребителей МиГ-29 и 4 учебно-боевых МиГ-29УБ, 12 фронтовых бомбардировщиков Су-24МК на общую сумму \$1,3 млрд США. Помимо этого ИРИ получила 350 ракет Р-27Р и 670 ракет Р-60МК класса «воздух-воздух» для МиГ-29.

В начале 1991 г. в ходе войны в Персидском заливе на территории Ирана оказались более ста боевых самолетов ВВС Ирака в основном советского производства (четыре МиГ-29, 12 МиГ-23, семь Су-25К, 22 Су-24МК, 40 Су-22, четыре Су-20 и два самолета ДРЛО на базе Ил-76, а также 24 Mirage F.1EQ). Эти машины были конфискованы иранской стороной.

По соглашению от 17 мая 1990 г. Иран получил в 1992–1996 гг. три дизель-электрических подлодки проекта 877ЭКМ. 24 апреля 1991 г. было подписано соглашение о создании для них шести объектов берегового базирования. Сумма обоих контрактов составила 1,6 млрд долларов США, однако строительство инфраструктуры не было завершено под давлением США в 2000 г.

В 1994 г. в ИРИ были поставлены 12 вертолетов Ми-17, а также, по данным ряда источников, 100 ПЗРК 9К38 «Игла». В 1999–2000 гг. по контракту 1998 г. Иран получил пять вертолетов Ми-171 в гражданской комплектации.

В соответствии с договором от 13 ноября 1991 г. предусматривалась передача лицензии и оказание технического содействия в организации производства в Иране 1 тыс. танков Т-72С и 1500 БМП-2, а также боеприпасов к ним на общую сумму \$2,2 млрд США. В рамках договора РФ передала Ирану 126 танков (в 1993–1998 гг.), комплекты для сборки еще 300 Т-72С (1996–2000 гг.), а также 413 БМП-2 и боеприпасы — все это на общую сумму \$668 млн США. Неполное исполнение этого контракта (равно как и прекращение строительства инфраструктуры для подводных лодок) стало следствием сближения между Россией и США.

Так, в мае 1995 г. в ходе визита президента США Билла Клинтона в Москву президент России Борис Ельцин обязался досрочно, до конца 1999 г., завершить выполнение перед Ираном всех ранее подписанных контрактов по поставкам военной продукции и впредь не заключать новых соглашений военного характера с Тегераном. Официальным оформлением этих договоренностей стал Меморандум Гора-Черномырдина от 30 июня 1995 г. Однако Россия не смогла в полном объеме реализовать ранее подписанные и действующие до Меморандума контракты с ИРИ. Общие потери России из-за отказа от военно-технического сотрудничества с Ираном оценивались экспертами в 4 млрд долларов США.

В ноябре 2000 г. Россия официально уведомила США об одностороннем выходе из Меморандума с 1 декабря 2000 г. Президент РФ Владимир Путин распорядился возобновить выполнение межправительственных соглашений и поручил ОАО «Рособоронэкспорт» провести переговоры с Ираном о возможности новых военных поставок.

В октябре 2001 г. в ходе визита в Москву делегации Ирана во главе с министром обороны Али Шахмани было подписано межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве.

В соответствии с контрактом, подписанным в апреле 2001 г., в 2002–2005 гг. Россия поставила Ирану 33 многоцелевых транспортно-боевых вертолетов Ми-171 и Ми-171Ш. В 2003–2006 гг. иранские ВВС приобрели 6 штурмовиков Су-25УБК. Также в 2005 г. Иран получил три вертолета Ми-17В-5.

В декабре 2005 г. Россия заключила с Ираном сделку на поставку 29 комплексов «Тор-М1», из которых 12 новых буксируемых «Тор-М1Т» на автомобильном шасси были разработаны российским ПВО «Алмаз-Антей» спе-

циально для ИРИ. Также были поставлены 1200 ракет 9М331 и запасные части для этих комплексов. Комплексы «Тор-М1» были предназначены для прикрытия от средств воздушного нападения важнейших государственных и военных объектов, в частности, АЭС в Бушере, ядерных центров в Тегеране, Исфахане, Натанзе. Контракт был выполнен в январе 2007 г., его общая стоимость оценивалась в \$1,4 млрд.

По итогам 2000–2007 гг. Иран занимал третье место среди крупнейших получателей российских вооружений, общий объем поставок составил \$1,96 млрд (5,4%) от всего объема военного экспорта РФ). Для Ирана Россия стала основным поставщиком вооружений (около 85% всего военного импорта ИРИ).

В 2005 г. Россия договорилась с Ираном о поставках как минимум пяти зенитно-ракетных систем среднего радиуса действия С-300 ПМУ-1 на сумму более 800 млн долл. В случае невыполнения контракта предусматривалась выплата неустойки в размере 300–400 млн долларов. В сентябре 2010 г. занимавший тогда пост главы государства Дмитрий Медведев ввел запрет на поставку Ирану С-300 в соответствии с резолюцией СБ ООН, ограничивающей поставки ИРИ современных вооружений. Россия вернула Ирану перечисленные ранее в качестве предоплаты средства в размере \$166,8 млн.

В апреле 2011 г. иранская сторона, считая, что поставка этих ЗРК не подпадала под резолюцию СБ ООН, поскольку контракт был подписан до введения санкций, подала в Суд ОБСЕ по примирению и арбитражу иск на ОАО «Рособоронэкспорт». Сумма иранского иска составила 900 млн долларов США, однако Суд ОБСЕ добавил к нему еще \$3 млрд. Иран выражал готовность отозвать иск, в случае если Россия выполнит поставки. Москва предложила Тегерану поставить вместо комплексов С-300 системы ПВО «Тор-М1Э», однако Иран это не устроило. 18 июля 2014 г. посол ИРИ в России Мехди Санаи заявил, что Иран считает контракт до сих пор действующим и надеется на получение от РФ С-300 или более современной системы.

К итогам визита Сергея Шойгу в Тегеран

Успешный визит российского министра обороны в Тегеран, закончившийся подписанием межправительственного соглашения о военном сотрудничестве между нашими странами, позволяет на вопрос о том, станет ли реальностью сотрудничество России и Ирана в сфере обороны и безопасности, однозначно ответить «Да!»

Впрочем, Сергей Шойгу на итоговой церемонии подписания этого документа справедливо заметил о том, что пока сделан лишь первый шаг, пока «создана теоретическая основа взаимодействия в военной области», которую еще предстоит наполнить конкретными проектами. Но в отличие от состояния целого ряда других направлений ирано-российского сотрудничества, у военного руководства и в Москве, и в Тегеране, есть четко сформулированная «дорожная карта» развития отношений в сфере обороны и безопасности. Поэтому подписанное соглашение, и здесь мы немного поправим привыкшего к максимальной сдержанности в оценках нашего министра обороны, не столько «теоретическая база», сколько реальный фундамент для последующих договоренностей. Большая часть которых, заметим, в той или иной форме уже прорабатывается уже почти год.

Начало этой работе было положено еще в октябре 2013 года, во время визита в Иран главкома российских ВВС генерал-лейтенанта Александра Бондарева. А на финишную прямую диалог о путях дальнейшего развития ирано-российского сотрудничества в оборонной сфере вышел после личной встречи Сергея Шойгу и Хосейна Дехкана в мае 2014 года, в завершение которой они заявили о том, что «Россия и Иран будут развивать военное и военно-техническое сотрудничество, учитывая сложившуюся в мире политическую обстановку». Отметив при этом, что главной задачей стороны считают переход российско-иранского сотрудничества в сфере безопасности «на принципиально новый уровень».

Для тщательной проработки всех деталей общих для Москвы и Тегерана подходов к сотрудничеству в оборонной сфере потребовалось несколько месяцев. Этот срок был обусловлен не столько «сглаживанием» острых углов, сколько тем, что в переговорный процесс вклинились вопросы региональной безопасности. Они — неотъемлемая часть диалога между военно-политическим руководством наших стран, поскольку без выработки общих подходов к общим для России и Ирана вызовам и угрозам, намерения в сфере оборонного партнерства попросту рискуют превратиться в еще один набор «благих пожеланий и добрых намерений», которых и без того хватает в российско-иранских отношениях.

Базовые принципы оборонного сотрудничества между Москвой и Тегераном

На заключительной церемонии российский и иранский министры обороны обменялись заявлениями, которые, по сути, и являются общими для наших стран принципами региональной безопасности. «Ситуация в регионе и в мире требует, чтобы мощная Россия и мощный Иран совместно содействовали укреплению международной безопасности и региональной стабильности», — заявил министр обороны Ирана. «У нас общие вызовы и угрозы в регионе, противостоять которым можно только сообща», — поддержал его Сергей Шойгу. И основная общая цель, как пояснил иранский министр обороны, — это «борьба с вмешательством внерегиональных сил в дела региона».

Военным присуща лаконичность и предельная ясность изложения, а потому «внерегиональная сила» не осталась анонимной. Основной причиной обострения обстановки в регионе, «является деструктивная политика США, осуществляющих вмешательство во внутренние дела других стран», — сказал Хосейн Дехкан. И, судя по всему, его российский коллега полностью с этой точкой зрения согласился. Поскольку угрозы и вызовы, которые создаются сегодня Западом и для Москвы, и для Тегерана, в целом одинаковы — будь то «афганское», «иракское» или «сирийское» направление.

Вообще переговоры между Сергеем Шойгу и его иранским коллегой характеризовались, по мнению источников, близким к делегациям, предельной искренностью и открытостью. Общая атмосфера визита российского министра обороны в Тегеран разительно отличалась от того, что обычно происходит с «гражданскими коллегами» министров обороны двух стран. Может быть, это происходит от того, что в отличие от «экономического блока», что в Москве, что в Тегеране испытывающего сильное влияние либеральных идей, «силовики» наших стран более отчетливо понимают, что на Ближнем и Среднем Востоке наступил «момент истины». Момент, когда нужно не оглядываться на геополитические махинации Белого дома, а самостоятельно создавать региональные блоки, на этом же уровне «гасить» конфликтные ситуации, не привлекать к излечению «болевых точек» заморских и европейских «докторов от геополитики». В этой связи более чем многозначительно прозвучала фраза российского министра обороны о том, что Москва продолжит диалог с Ираном по вопросам безопасности во время председательства России в Шанхайской организации сотрудничества. Значит ли эта фраза, что Иран наконец-то станет полноправным членом ШОС? Очень хотелось бы надеяться, поскольку это не только активизирует создание новой архитектуры региональной безопасности, но и придаст самой ШОС новый импульс к развитию.

Каким будет новый формат российско-иранского военно-технического сотрудничества?

Одним из главных итогов визита Сергея Шойгу в Иран безусловно следует считать глубокое обсуждение перспектив военно-технического сотрудничества между нашими странами, точнее — нового его формата. Подписанием «атомного контракта» Россия уже доказала, что в стратегических отраслях

вполне способна не оглядываться на капризы и односторонние санкции Вашингтона и Евросоюза. Теперь подошла очередь оборонной сферы. Межправительственное соглашение, подписанное в Тегеране, — достаточно общий документ. Согласно тексту, военные ведомства двух стран будут осуществлять обмен делегациями, поддерживать контакты на уровне штабов, приглашать друга друга на учения, готовить кадры и осуществлять взаимные визиты кораблей ВМФ.

Вполне очевидно, что реальные потребности сотрудничества в оборонной сфере для наших стран гораздо шире. Их еще предстоит оформить отдельными протоколами, которые сейчас в срочном порядке будут готовить министерства и ведомства России и Ирана. Но в процессе работы над этими документами предстоит ответить на самый главный вопрос, вопрос о формате ВТС — торговля или кооперация? Или, возможно, и то, и другое. Естественно, что дискуссии на эту тему между оборонными ведомствами наших стран не станут предметом публичного обсуждения. Поэтому все, о чем будет написано ниже — исключительно точка зрения редакции Иран.ру, не имеющая никакого отношения к официальной позиции соответствующих министерств наших стран.

Сегодня перед военно-техническим сотрудничеством между Москвой и Тегераном есть два пути дальнейшего развития. Первый будет во многом носить пусть и выгодный, но односторонний характер — только и исключительно продажи российских вооружений. По сути, это возвращение к двум предшествующим периодам: между 1990—2000 и между 2000—2007 годами.

В первом из них Тегеран приобрел у Москвы оружия на сумму около четырех миллиардов долларов. В том числе — два зенитно-ракетных комплекса С-200ВЭ, 20 истребителей МиГ-29, 12 фронтовых бомбардировщиков Су-24МК, 12 вертолетов Ми-17, три дизель-электрических подлодки проекта 877ЭКМ, 126 танков Т-72С плюс 300 сборочных комплектов и 413 БМП-2.

Во втором — объем российских продаж составил 85 процентов военного импорта Тегерана, который за это время получил, в частности, 33 многоцелевых транспортно-боевых вертолетов Ми-171 и Ми-171Ш, 6 штурмовиков Су-25УБК, 29 комплексов «Тор-М1».

Таким образом, общий объем продаж составил примерно шесть миллиардов долларов. Возможно, что еще пару миллиардов Россия сможет «взять» на участия в модернизации отечественной техники, состоящей на вооружении иранской армии. Но Тегеран уже перерос уровень простого «закупщика» вооружений, свидетельство чему — успехи страны в области ракетных и иных технологий, в том числе технологий двойного назначения. И потому сегодня он стремится не просто к роли покупателя российского оружия, а предлагает несколько иной уровень сотрудничества — совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. То есть такой формат ВТС, который у России существует только с Китаем.

Согласно тексту, военные ведомства двух стран будут осуществлять обмен делегациями, поддерживать контакты на уровне штабов, приглашать друга друга на учения, готовить кадры и осуществлять взаимные визиты кораблей ВМФ

Домашнее задание для министров обороны России и Ирана

У иранских военных уже есть готовые предложения российской стороне по совместным проектам в сфере ракетостроения, производства беспилотников, вертолетостроения и разработки средств технической разведки. Причем, это далеко не полный список направлений сотрудничества, предлагаемый иранцами. Кстати, в описанном выше новом формате ВТС между Россией и Ираном предлагается и «закрыть» вопрос о комплексах С-300. Иранская сторона дала понять, что, конечно, не откажется от приобретения

В новом формате ВТС между Россией и Ираном предлагается и «закрыть» вопрос о комплексах С-300

ЗРС «Антей-2500», которые были предложены ей вместо «трехсоток», но одновременно с этим предложила России поучаствовать в модернизации уже существующих иранских S-200, которые, по сути, являются копией С-300ПС, приобретенных Тегераном у России в 1993 году, поскольку самостоятельные работы иранского ВПК в этом направлении пока особого успеха не достигли.

По итогам переговоров российского министра обороны с его коллегами в Тегеране можно не сомневаться и в том, что уже в ближайшее время стороны начнут техническую проработку вопро-

са об обмене информацией, получаемой средствами технической разведки. В Иране успешно работает система мониторинга оперативной обстановки в Персидском Заливе. В России, в том числе в формате ОДКБ, активно восстанавливается на качественно новом уровне система наблюдения за ситуацией на «южном направлении», включающим в себя и Центральную Азию. Специалисты двух стран уже давно ставят вопрос о сотрудничестве в данной деликатной сфере, тем более, что сирийские события и достигнутое там взаимодействие наших специалистов позволяют с уверенностью говорить, что подобный обмен информацией и расширение системы мониторинга на Афганистан полностью отвечает интересам безопасности как Москвы, так и Тегерана.

* * *

Разумеется, итоги визита Сергея Шойгу в Иран далеко не исчерпываются только военно-техническими вопросами. Одним из главных пунктов совместной повестки было обсуждение ситуации, складывающейся в Афганистане. А кроме того, говорилось и о Каспии, и об угрозе наркотрафика и терроризма. Упомянуть обо всем этом кратко было бы абсолютно неправильным. Поэтому, данные вопросы станут темой отдельных статей Иран.ру. Тем более что результаты поездки российского министра обороны имеют столь далеко идущие последствия, что говорить о них придется еще не раз.

Геополитические последствия «Турецкого потока» для Ирана

Категоричное заявление главы Газпрома Алексея Миллера о том, что «газопровод «Турецкий поток» является единственным маршрутом, по которому могут поставляться 63 миллиарда кубометров российского газа, идущих сейчас пока транзитом через Украину, и других вариантов нет», наделало немало шума. Решение о строительстве такого маршрута экспорта энергоресурсов имеет серьезные геополитические последствия. И не топ-менеджеру Миллеру их принимать, поскольку ни он сам, ни его команда, лоббирующие этот проект на уровне Кремля, толком не понимают, что именно они предлагают.

Газпром — это прежде всего коммерческая организация, главной целью которой является получение максимальной прибыли для своих акционеров. Все попытки руководства этой компании навязать обществу принцип «Что хорошо для Газпрома — то хорошо и для России» — это попытка обмана. Что бы там ни говорили либеральные экономисты, у государства и бизнеса разные задачи, особенно, если этот бизнес — российский. Для государства главным является обеспечение безопасности общества и создание внешнеполитических условий для стабильного развития страны. Для любой компании, даже самой лучшей и «социально ориентированной» главным является непрерывное увеличение доходов и, соответственно, минимизация расходов. Если для этого нужно отказаться от непрофильных затрат — будь то социальная сфера или поддержка своих союзников — любая компания сделает это не задумываясь. Не задумываясь, в том числе, и о политических последствиях. Они ведь не всегда выражаются в денежном эквиваленте. Не извиняюсь за этот «ликбез», поскольку он совершенно необходим для дальнейшего разговора.

Не будем особо углубляться в экономические аспекты «Турецкого потока», который на сегодняшний день даже не полноценный проект, а только некая идея. У которой, замечу, если верить представителю Газпрома Сергею Куприянову даже официального названия нет: нынешнее — «Турецкий поток» — это пожелание президента Турции Реджепа Эрдогана, которое даже официально не утверждено. Не будем говорить и о финансовой составляющей, поскольку на его строительстве можно даже сэкономить: если он, как нас уверяют, будет стоить наравне с морским участком «Южного потока», то есть примерно 14 млрд евро, то ведь при его строительстве будут использованы уже изготовленные и заказанные материалы для его предшественника.

Другое дело, оправданы ли масштабные инвестиции в условиях, когда ожидается падение цен на газ из-за избытка предложения на мировом рынке, но и это пока опустим. Поскольку главной темой для нас является политическая составляющая идеи «Турецкого потока», ее геополитические последствия, о которых чиновники Газпрома либо вообще не задумываются, либо откровенно недопонимают.

Миф о конкуренции Ирана и Газпрома

Газпром видит в Иране только и исключительно конкурента, поэтому патологическая иранофобия и стремление нанести ущерб его интересам — вполне логичная позиция руководства компании. Но вот насколько это отвечает интересам России? Большой вопрос. Начнем с того, что слухи о конкуренции Газпрому со стороны Тегерана сильно преувеличены. Иран за последнее десятилетие никогда не ставил во главу угла стремление отобрать российскую долю газового рынка. Сошлюсь на недавнее заявление министра промышленности, рудников и торговли Ирана Мохаммада Нематзаде, сказавшего: «Мы не хотим быть конкурентом России». Естественно, я далек от мысли верить на слово, но ведь помимо заявлений есть и конкретные действия Тегерана, и геоэкономические реалии.

«Специалисты» из Газпрома упорно отказываются верить в то, что у них не хотят что-то отобрать, что существуют схемы, которые позволяют из политических соображений избежать острой конкуренции с Ираном. Но тот же пример общего для наших стран турецкого рынка служит ярким опровержением газпромовской иранофобии. Этот рынок на протяжении достаточно долгого времени остается одним из самых крупных потребителей иранского газа. По данным министерства нефти Исламской Республики, в 2014 году суточный объем поставок природного топлива в Турцию составлял около 28 млн куб. м или около 10 млрд кубометров в год. Российские поставки газа почти в три раза больше — 25,99 млрд кубометров. При этом, российский газ обходился в Турции 2014 году в 425 долларов за 1000 кубометров, иранский газ — по 490 долларов, за азербайджанский газ турки платили 335 долларов. Анкара постоянно требовала у Ирана скидку, чтобы снизить цену хотя бы до уровня азербайджанской, однако Тегеран на уступки не пошел, чем не позволил турецкой стороне потребовать снижения цены на российский газ.

А только за словесные обещания Анкары поддержать идею «Турецкого потока» Газпром уже заплатил 6%-ной скидкой по текущим поставкам. И торг продолжается, поскольку турки хотят 16%. Это, конечно, вряд ли, сойдутся в районе 10%, но сам по себе факт примечательный: иранцам на слово не верим, а Анкаре за слова еще и приплачиваем. Турецкая сторона, что называется, в одно касание переиграла «эффективных менеджеров» из Газпрома, а заодно и продемонстрировала Ирану, чего стоит его принципиальность в стремлении избежать конфликта интересов с Москвой. Но и это еще не все особенности поведения двух стран на турецком рынке. Существующий газопровод позволяет прокачивать в Турцию до 40 млн кубометров иранского природного газа в сутки. Но Тегеран намеренно использует его пропускную способность лишь на 70–75%, чтобы не мешать российскому экспорту.

И еще. В последние годы Эрдоган и его соратники в правительстве приложили немало усилий для того, чтобы навязать соседнему Ирану высокие транзитные тарифы за использование турецких газопроводов. Появления на турецком рынке новых дополнительных российских объемов «голубого топлива» усилит позиции Анкары. Кроме того, Эрдоган требует, чтобы право перепродажи иранского газа имели только компании, созданные в Турции. Тегеран категорически против этого возражает, настаивая на своем участии в этом процессе. С идеей «Турецкого потока» выкручивать Тегерану руки Анкаре становится гораздо проще.

Ну и, наконец, о малоизвестном аспекте визита в Баку президента Ирана Хасана Роухани в ноябре 2014 года. В ходе двусторонних консультаций, проходивших в Омане, американская сторона предложила Тегерану в обмен на снятие части санкций принять участие в формировании общего с Азербайджаном «энергетического коридора» в Европу, присоединившись к проекту Трансанатолийского газопровода (TANAP) — расширения действующего газопровода Баку — Тбилиси — Эрзурум. Проект вызвал серьезную озабоченность в Газпроме, опасавшемся, что присоединение Ирана к этому проекту позволило бы потеснить российскую компанию на европейских рынках, поскольку в таком случае азербайджанский газ не только заменял выбывающие объемы поставок в Европу из Алжира и Ливии, но и сокращал российскую долю «европейского пирога».

Предложение для Тегеран было настолько выгодными, что вице-президент США Байден, обсуждая вопросы давления на Россию на саммите по безопасности в Стамбуле, говорил о нем как о состоявшемся событии. Иран участвовать в этой антироссийской комбинации отказался, вызвав откровенную, пусть и не публичную, истерику среди американского истеблишмента. Который «в наказание» Тегерана ужесточил свою позицию на переговорах в Вене в конце прошлого года. Словом, миф о конкуренции коварных замыслах Ирана в отношении Газпрома — откровенный бред и воспаленная фантазия «эффективных менеджеров» этой компании. Проблема в том, что эти фантазии становятся основой для принятия ими вполне реальных решений.

Казалось бы — при чем здесь Сирия?

Давно известно, что иранофобия ведет к необратимым изменениям мозга, из-за чего сраженный ею «пациент» напрочь утрачивает адекватное восприятие мира. Разжигая газовое противостояние между Анкарой и Тегераном, бросая в этот костер бревно, на котором написано «Турецкий поток», «эффективные менеджеры» из Газпрома даже не представляют себе всех негативных последствий для России. Конечно, трудно их в этом винить, их ведь учили считать деньги, а не учитывать государственные интересы. Но тогда не нужно лезть в «большую политику», где не все меряется долларом.

В стремлении уничтожить призрак «иранской конкуренции», Газпром предлагает сложить все яйца в турецкую корзину, даже не задумываясь, что в таком случае выиграет только Анкара, а уж никак не Россия. Одной из причин того, что Иран не наращивает объемы экспорта через турецкий газопровод заключается в его вполне обоснованных опасениях доверить Турции, американскому союзнику и члену НАТО, роль основного партнера

по транзиту. Именно поэтому в 2011 году возникла идея газопровода IGP — через Ирак, в Сирию и далее на греческую часть Кипра. То есть — в обход Турции.

В этом случае Анкара получает сразу два удара. Во-первых, греческая часть Кипра и ее экономика для Турции — болевая точка. Чем там лучше, тем прозрачнее становятся шансы на объединение Кипра под турецким протекторатом. А, во-вторых, конечно же, Сирия — ключ к контролю за Ближним Востоком. Идущая там и в Ираке война делает строительство газопровода невозможным, сохраняя монопольное положение Анкары в транзите иранского газа на «западном направлении». Кроме того, идущая в Сирии гражданская война уже приносит прибыль турецкой экономике. Десятки миллионов тонн иракской нефти и газового конденсата вместо портов Сирии идут сейчас на экспорт через порты Турции. Процесс этот особенно усилился после того, как авиация США в сентябре 2014 года, под прикрытием «антитеррористической операции» уничтожила все работавшие в Сирии НПЗ и ГПЗ. Только увеличение транзитного грузооборота позволило Турции ускорить приватизацию своих морских портов, причем — по гораздо более высокой цене.

И когда нам говорят, что ради сотрудничества с Россией Турция, якобы, «изменила» свою позицию в отношении Сирии, нам откровенно лгут. Только вчера премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу в Лондоне заявил, что Турция не может остановить поток желающих воевать в Сирии в рядах «Исламского государства Ирака и Леванта», которые для проникновения на сирийскую территорию используют турецкую границу. И добавил, что Турция не желает победы в Сирии ни ИГИЛ, ни президенту Асаду: «Если международное сообщество не собирается отправлять в Сирию наземные войска, единственной альтернативой будет подготовка и оснащение умеренных оппозиционных сил».

Стоит добавить, что на переговорах Эрдогана и Путина в Анкаре сторонам так и не удалось урегулировать инцидент с арестом военного авиационного груза, изъятый Турцией у РФ в октябре 2014, когда летевший в Сирию российский гражданский авиалайнер, на борту которого был груз «двойного назначения» — аппаратура прослушки и шифрования — был перехвачен и принудительно посажен шестью турецкими истребителями F-16. Более того, Эрдоган недвусмысленно дал понять российской стороне, что задержание идущих в Сирию российских военных грузов будет неизменно повторяться, а блокада Дамаска Турцией только усиливаться.

Кроме того, тогда же Турция жестко отвергла требование российского президента запретить деятельность организаций чеченской диаспоры на своей территории и выслать в РФ лидеров чеченского ополчения.

Так что в стратегическом плане Турция как партнер для России столь же ненадежна как Украина. Для Запада Анкара в качестве «центра» сепаратистов и исламистов в России просто незаменима, и рано или поздно этот «козырь» обязательно «сыграет». 35 миллиардов долларов российско-турецкого товарооборота и пара-другая миллионов отдыхающих там россиян — абсолютно ненадежная гарантия «лояльности» Анкары к партнерству с Москвой, поскольку США, ЕС и НАТО обладает более действенными инструментами воздействия на Турцию. И с этой точки зрения «Турецкий поток» — огромная ошибка, пусть даже кому-то и кажущаяся сегодня экономически выгодной.

Почему не нужно реализовывать «Турецкий поток»

1. Москва, своими руками превратив Турцию в энергетического монстра и крупнейший газовый хаб, поставит себя в зависимость от этой страны. Практически отдав весь свой европейский бизнес, свою энергетическую политику Анкаре, она начисто лишается какой-либо возможности повлиять на геополитические интриги турецкого руководства.
2. Став мощнейшим транзитером газа, Турция тут же поставит перед Евросоюзом свои условия. Раньше ЕС диктовала свои условия и десятилетиями держала Турцию в своем предбаннике, а с реализацией «Турецкого потока» картина поменяется на 180 градусов: теперь ЕС впадает в полную зависимость от Турции. От лица жутко перепуганной Европы на прошлой неделе в Москву приехал вице-президент Еврокомиссии Марош Шефчович и умолял не делать этого; пожалуйста, любой другой маршрут, но не турецкий. Более того, он предположил, что если все же этот газопровод будет построен, то в этом случае никто толком о России и не вспомнит как об основном поставщике.
3. Крайне было бы опрометчиво не учитывать позицию Турции по регионам и странам, где сосредоточены важнейшие, а иной раз самые что ни есть стратегические интересы России. К примеру, Турция является главным оппонентом нашего стратегического партнера — Сирии и из кожи вон лезет, чтобы убрать с политической сцены дружественный пророссийский режим во главе с Башаром Асадом.
4. Турция максимально способствует становлению и развитию радикального ислама в лице ИГИЛ, что напрямую угрожает интересам и национальной безопасности России. Чрезмерная лояльность Турции, потворство и покровительство ИГИЛ — это скрытое проявление неоосманизма, угрожающего Центральной Азии и Большому Кавказу. А Республику Азербайджан они считают практически уже своим. Кстати, с усилением роли и места Турции усилится и мощь, и геополитический вес Азербайджана. В этом случае может наступить перелом в статус-кво в азербайджано-армянском противостоянии. А в новом конфликте, тем более вооруженном, Россия ну никак не сможет быть безучастной, так как он будет затрагивать самые что ни есть стратегические интересы нашей страны. Вот куда нас может подталкивать наша национальная компания Газпром.
5. Усилив позиции Турции, мы явно ослабим политико-экономические и геополитические позиции Ирана, основного противовеса Анкаре в регионе. Ослабив таким образом Иран, мы серьезно повышаем шансы этой страны повернуться лицом к Западу за помощью и защитой. Эту помощь и защиту Иран найдет в полном объеме тут же, тем более такие вещи не делаются бескорыстно. А потеря хотя бы части суверенитета и независимости для Ирана — это прямая дорога к смене режима с исламско-государственного на либерально-западный со всеми неминуемыми последствиями. А это может стать настоящим кошмаром для России и ее интересов. Абсолютно точно — это будет началом распада России, т. к. Запад во главе с США вместе с многими арабскими странами откроют самый мощный и смертельный для России третий фронт наряду с украинским и санкционным.

6. С реализацией этого проекта Турция в самое ближайшее время станет лидером исламского мира и будет задавать тон в региональной и мировой политике. А учитывая амбиции и аппетиты лидеров-националистов Турции, это обстоятельно приведет к дисбалансу сил в регионе с непредсказуемыми последствиями, которые при всех вариантах не будут отвечать интересам России.
7. Не надо забывать, что Турция является одним из ведущих членов враждебного для России и Ирана североатлантического военного альянса НАТО. В этом качестве непосредственным патроном Турции являются

В современной военной доктрине США главной задачей объявлено ослабление и затем расчленение России

США. А в современной военной доктрине США главной задачей объявлено ослабление и затем расчленение России. США не скрывают, что в решении этой задачи будет максимально задействовано НАТО. Таким образом, Турция, хочет она того или нет, в любом случае будет вовлечена в орбиту антироссийской политики Запада во главе с США.

8. Если еще вернуться к конкретным цифрам, то имеется наглядный опыт поведения Турции примерно в таком же проекте. В 2006 году между Ираном и Турцией был подписан 25-летний кон-

тракт на поставки 10 млрд куб. газа в Турцию ежегодно. Были согласованы ценовая политика и все форс-мажорные обстоятельства. Согласно контракту, Иран должен был построить этот газопровод на свои деньги. Иран построил этот газопровод, потратив миллиарды долларов, и, как только первый иранский газ пошел по трубам, Турция потребовала пересмотра цены на газ под самыми разными предлогами, иной раз бредовыми и немыслимыми. Дело дошло до того, что Иран несколько раз приостанавливал поставки газа полностью. Как бы Иран ни опирался на положения контракта и ни напоминал о потраченных деньгах на строительство газопровода, Турция настаивала на своем, зная, что Ирану деваться некуда. В конечном итоге Ирану пришлось пересмотреть цены и, стиснув зубы, возобновить поставки газа на условиях Турции.

* * *

Проект газопровода еще даже не согласован, точка выхода на турецкий берег не определена, не говоря уже о том, что нет никакой проектной документации. Собственно, «Турецкий поток» существует пока в виде меморандума между Россией и Турцией, который предполагает дальнейшее обсуждение планов. Остается только пожелать, чтобы эта откровенно ошибочная и непродуманная идея Газпрома, грозящая России серьезными геостратегическими потерями, так и осталась лишь на бумаге. Коммерсантам не место в большой политике. Они, в погоне за прибылью, страну как «непрофильный актив» и обременительное приложение к «трубе» могут потерять.

Игорь Панкратенко

Израиль: очередное преступление без наказания

Простая задача на сообразительность. Представим себе, что группа израильских советников едет в приграничном с Ираном районе, допустим, Азербайджана. В этот момент с иранской стороны появляется вертолет, который наносит ракетный удар по их автомашинам. В результате атаки погибают несколько израильских военных, один из которых — генерал. Внимание, вопрос: через сколько часов все мировые СМИ назовут Иран террористом, агрессором и потребуют суда международного трибунала? Через сколько часов главы западных государств и их союзников созовут экстренное заседание Совбеза ООН, чтобы объявить Тегеран частью «оси зла» и принять в рамках ООН самые суровые ответные шаги, сурово наказать эту страну?

Другое дело, если что-то подобное совершит сам Израиль. Тут уж мировые масс-медиа постараются произошедшее в лучшем случае замолчать, а в худшем — вывернуть все так, что жертва израильского преступления сама во всем окажется виноватой. Ну, а западные лидеры, «защитники демократии», сторонники «верховенства международного права» и всяческих свобод, сделают вид, что ничего особенного не произошло. Словом, очередное преступление Израиля сойдет ему с рук, что мы, собственно, и наблюдаем в отношении событий, произошедших 18 января на сирийско-израильской границе.

Итак, утром этого дня военнослужащие миротворческого контингента сил ООН по наблюдению за разъединением на Голанских высотах наблюдали в небе над израильско-сирийской границей, недалеко от населенного пункта Джубата аль-Хашаб (севернее Кунейтры) два беспилотных летательных аппарата, прилетевших на сирийскую территорию со стороны Израиля. Замечу, что, согласно заявлению представителя ООН Фархана Хака, факт пролета БПЛА с нарушением границы уже сам по себе является нарушением о разъединении израильских и сирийских войск в районе Голанских высот от 31 мая 1974 года.

Спустя некоторое время после того, как беспилотники покинули в воздушное пространство Сирии, вертолет ВВС Израиля выпустил две ракеты по автоколонне, двигавшейся по сирийской территории. В результате воздушной атаки погибли 12 человек. Шесть — представители шиитского движе-

ния Хизбаллы, вооруженные формирования которого оказывают помощь сирийскому правительству в борьбе с боевиками оппозиции. Еще шесть — сотрудники иранского Корпуса стражей исламской революции, служащие советниками в сирийской армии и силах безопасности.

В числе погибших со стороны Хизбаллы — Джихад Мугние. По неофициальным сведениям, три месяца назад он был назначен командующим отрядами этого движения, действующими против исламистских боевиков в районе Голанских высот. Замечу, что его отец, один из руководителей разведки Хизбаллы Имад Файез Мугния, был убит агентами Моссада в Дамаске в 2008 году. В числе погибших иранских советников — генерал КСИР Мохаммед Аллахдади, герой ирано-иракской войны и бывший командующий бригадой «Аль-Гадир» в иранской провинции Йезд.

Израиль замечает следы

Сразу после произошедшего израильские официальные лица отказались давать любые комментарии. Но через свои каналы в зарубежных масс-медиа соответствующие пропагандистские подразделения Тель-Авива начали вброс информации о том, что удар был нанесен по террористам, планировавших нападение на территорию Израиля. Наиболее оригинальная версия была озвучена на сайте «Эха Москвы», рупора Израиля и США. Один из штатных комментаторов написал: «они [убитые — И.П.] устанавливали ракету для запуска по нашей территории. От обстрела с вертолета ракета взорвалась, и все террористы погибли».

Воля ваша, но два старших командира, один из которых — генерал, среди бела дня устанавливающих пусковую установку — откровенная фантастика. Впрочем, вполне в духе израильской пропаганды — чем грандиознее ложь, тем быстрее в нее поверят российские «демократы», лишь бы источник этой лжи был «своим»... Но после того, как стало известно, кто именно погиб, версия о готовивших обстрел террористах испарилась, а на ее месте возникла другая. Дескать, ошибочка вышла, мы обознались, думали, что это исламисты какие-то с коварными замыслами на машинах едут. Ни о Джихаде Мугние, ни о генерале Аллахдади израильская армия знать не знала. А автоколонну обстреляли — вы не поверите, но именно так и было заявлено — «в целях самообороны». Картина маслом: мирно летающему вдоль границы боевому ударному вертолету ВВС Израиля с сопредельной территории «начали угрожать» пассажиры двух джипов. «Самообороняясь» от их угроз, экипаж вертолета выпустил по ним две ракеты. Это даже не версия, а бормотание учащегося школы для детей с девиантным поведением. Но пресловутое «прогрессивное международное сообщество» продолжает хранить молчание...

Впрочем, врать о террористах и самообороне у произраильски настроенных СМИ долго не получилось. Через несколько дней после произошедшего в районе Кунейтры появились убедительные доказательства того, что было совершено хладнокровное убийство — прошла тщательно подготовленная ликвидация одного из командиров Хизбаллы и генерала КСИР, который в Сирии, по сути, был правой рукой легендарного командира иранского «Аль-Кодс» Касема Сулеймани.

Антитеррористический Тель-Авив

Практически сразу после убийства Джихада Мугни и генерала Мохаммеда Аллахади министр информации Сирии Омар аз-Зоуби заявил, что «Израиль открыто вмешивается на стороне террористических группировок в бои у Голанских высот». Разумеется, «демократические» масс-медиа это заявление проигнорировали, а совершенно зря. Доказательств того, что Израиль в Сирии поддерживает исламистов, накопилось более чем достаточно.

Можно не верить лидеру Хизбаллы, шейху Насралле, неоднократно сообщавшему о том, что «зачастую ВВС Израиля проводят обстрел районов, где спустя короткое время ожидается наступление антиправительственных формирований». Но невозможно опровергнуть многочисленные факты того, что израильская разведка тесно сотрудничает с боевиками в целях получения любой информации, способной помочь в свержении Башара Асада. Подразделения полевой разведки ЦАХАЛ на Голанских высотах, предоставляющие самую точную информацию о происходящем на сирийской стороне, значительно усилены. Агентура из числа беженцев вербуются и забрасываются в больших количествах, количеством компенсируя качество.

Но самые интересные выводы позволяет сделать анализ ударов израильской авиации по сирийской территории за последние два года. Итак, ознакомимся со списком, составленным российским ИА Regnum:

- в ночь на 30 января 2013 года в результате авиаудара была уничтожена автоколонна, в которой находились ракеты российского производства «Бук-М1-2», предназначенные для сирийской армии;
- в ночь на 5 мая 2013 года была нанесена серия ударов с воздуха по более чем 40 объектам вооруженных сил Сирии, в том числе по штабу 4-й дивизии и базам 104-й и 105-й бригад;
- 5 июля 2013 года ударом с воздуха был уничтожен склад ракетных вооружений, на которых хранились противокорабельные ракеты «Яхонт» российского производства;
- 21 октября 2013 года ВВС Израиля в районе сирийско-ливанской границы разбомбили грузовую автоколонну, перевозившую военное снаряжение, поставленное из Ирана для отрядов Хизбаллы;
- в ночь на 31 октября 2013 года под Латакией был нанесен удар по армейскому складу, на котором хранились ракеты российского комплекса С-125 «Нева» (в экспортном варианте — «Печера»);
- и, наконец, 7 декабря 2014 года авиация Израиля нанесла удары рядом с международным аэропортом Дамаска по складам, на которых находилось только что доставленное из России военное снаряжение для сирийской армии.

У кого-то после этого перечня остаются сомнения в том, на чьей стороне выступает Израиль в Сирии и кого он реально поддерживает? Кто-то еще сомневается, что официальные заявления Тель-Авива о «непричастности» к гражданской войне в Сирии и «озабоченности ростом исламского терроризма в регионе» — ложь от начала до конца? Терроризм, по мнению политиков Израиля — это только когда что-то против них. В остальных случаях — это или «самооборона», или удобный инструмент для войны против Дамаска, Тегерана и Москвы.

Кстати, о позиции Москвы

Для совершения убийства с отягчающими обстоятельствами, нарушением суверенитета Сирии, Израиль выбрал более чем удобный момент. Силы Хизбаллы разбросаны по трем фронтам — в Ливане, в Сирии и Ираке. Дать достойный ответ на акт агрессии она не в состоянии. В отношении Тегерана расчет Тель-Авива безупречен — любой резкий шаг иранской стороны будет означать конец всем переговорам по ядерной программе и мгновенное ужесточение санкций. По сути, Иран сейчас лишен возможности скольконибудь жестко ответить на совершенное против его граждан преступление. Единственно возможный шаг — это апеллировать к международной ответственности, но она-то как раз и делает вид, что ничего заслуживающего внимания не произошло.

Но даже имея на руках такие «козыри», Израиль вполне обоснованно опасается. И потому министр иностранных дел Авигдор Либерман... прибыл в Москву. С требованием — именно требованием — к России, чтобы она оказала давление на Иран, Хизбаллу и Сирию, заставив их отказаться от ответных мер на совершенные израильской стороной акты убийства и агрессии. Заодно, видимо, чтобы несколько раз не летать, Либерман проинформировал Сергея Лаврова, что позиция Москвы в отношении ядерной программы Ирана — откровенно ошибочная, и Израиль требует ее изменить. В интервью ТАСС глава израильской дипломатии объяснил это в более чем доступной форме: «Для Израиля приемлема лишь полная ликвидация ядерного потенциала ИРИ, иные соглашения с «шестеркой» ошибочны».

И вообще, «для нас [Израиля — И.П.] здесь один критерий — это сирийская модель, когда Россия и США достигли соглашения по ликвидации химоружия», — поучал российскую сторону Либерман, — «Ту же самую модель мы ожидаем от Ирана. Все средства производства обогащенного урана и ракетная программа должны быть уничтожены, а весь обогащенный уран должен быть вывезен за пределы Ирана, с уровнем обогащения 4,5 процентов и выше. Неважно куда — на территорию России, США и прочее. Это та модель, которая нас устраивает».

А чтобы в Москве не загрустили от такой суровой израильской непреклонности, Либерман привез с собою и «пряник» — заявил, что его страна готова стать посредником в российско-украинском конфликте. Осчастливил, что называется. В чем будет проявляться посредничество? Киев прекратит карательные операции против собственного населения? Оплатит Москве накопившиеся долги за поставки газа? Прекратит разнузданную антироссийскую пропаганду? А может, Израиль уговорит Запад признать присоединение Крыма?

Знали ли в Москве, с чем едет Либерман? Прекрасно знали. Что не мешало российскому МИДу накануне его приезда со столь наглыми требованиями опубликовать откровенно слащавое и подхалимское заявление: «В России высоко ценят традиционно дружественные отношения с Израилем, придают большое значение поступательному развитию двустороннего сотрудничества в различных областях. Уверены, что предстоящие переговоры придадут дополнительный импульс политическому диалогу по региональным и международным делам, будут способствовать выводу на более продвинутый уровень наших деловых связей».

Создается впечатление, что часть московских чиновников от ряда стран готовы стерпеть что угодно — им хоть плюй в глаза, а они говорят: «Божья роса». Если «традиционно дружественные отношения с Израилем» включают в себя бомбовые удары по российским грузам, которые Москва отправляет своему союзнику — законному правительству в Дамаске, враждебные действия израильской авиации и флота в отношении наших транспортных конвоев в Сирию, то страшно даже подумать, как они будут выглядеть после придания им «дополнительного импульса».

* * *

Говорят, что гибкий позвоночник — признак хорошего дипломата. Помимо того, что это утверждение вздорно, в отношении Израиля оно устарело. У «прогрессивного международного сообщества» — и российской его части — в диалоге с Тель-Авивом этот позвоночник намертво заклинило в позиции «чего изволите?» Никому из угодливо согнувшихся не приходит в голову простая мысль — уверенность в собственной безнаказанности толкает израильских «ястребов» на новые преступления. Сегодня — в отношении Ирана, Сирии, Хизбаллы. Завтра — в отношении тех, кто эти преступления покрывает и замалчивает.

Владимир Онищенко

Иран — верный друг России

В Москве создана структура, призванная мобилизовать и консолидировать все здоровые проиранские силы российского общества

Для нас — российских друзей Ирана и тех, кто неравнодушен к его судьбе, этот день — 22 января запомнится надолго. Не только тем, что над Москвой выглянуло яркое зимнее солнце и природа, наконец, подарила долгожданный после длинной слякотной оттепели морозец, от которого засеребрились пушистым инеем московские деревья во дворах, аллеях, бульварах и парках. И не тем, что в этот день кончилось 90-летие со дня смерти вождя мирового пролетариата Владимира Ленина. В год 70-летия Великой Победы будет еще много юбилейных совпадений и памятных дат. А в этот январский день в центре Москвы в гостинице «Националь» состоялось первое, Учредительное собрание новой общественной структуры — Российско-иранского совета по общественным связям (РИСОС). Как гласят его обозначенные цели, он призван мобилизовать и консолидировать широкие слои населения, общественные структуры, силы творческой интеллигенции, духовенства, бизнесменов и политологов на придании нового импульса развитию огромного, еще во многом нереализованного пласта российско-иранского сотрудничества.

О том, что этот солнечный луч должен высветить путь Справедливости и Добра, данный нам, России и Ирану, духовно и исторически, сходились практически все участники Собрания. При открытии Собрания, было обращено внимание присутствующих, что учреждение нового Совета проходит на фоне только что закончившегося визита в Тегеран Министра обороны РФ Сергея Шойгу. Подписанное там рамочное Соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве — знак того, что в позиции Кремля по отношению к Ирану произошел важный и существенный поворот. Хочется верить, что это прямое следствие прямого обращения к президенту Путину на Большой пресс-конференции 18 декабря 2014 года Раджаба Сафарова, генерального директора «Центра изучения современного Ирана», издателя журнала «Деловой Иран». Этот же тон Сафаров, как Председатель организационного комитета РИСОС задал и в своем докладе — о целях и задачах новой организации. Ведь именно его обращение с вопросом к президенту Путину и ответ главы государства дали толчок для инициативы создания этого Совета — по сути, новой формы обращения к российским властным и управленческим структурам от имени широких слоев населения России. Следует особо подчеркнуть, что РИСОС не является оппозиционной структурой, не собирается подменять собой деятельность государственных

институтов и существующих структур на иранском направлении. Это общественный совещательно-консалтинговый орган, призванный в первую очередь помочь государственным органам. Во главу угла его работы определено духовное начало, четкое понимание важности развития и укрепления связей с Ираном во всех сферах.

Яркое выступление Александра Проханова, прозвучавшее первым в прениях, проложило животворную канву для обсуждения, казалось бы, весьма протокольных вещей — одобрение предложенных для утверждения документов по выборам руководства Совета и его структуре. Было ясно, что все, более шестидесяти собравшихся в зале «Псков» единомышленников, проголосуют и так единогласно. Александр Андреевич, рассказав о поразительных впечатлениях от своих поездок в Иран, в том числе о своих встречах с бывшим президентом Исламской Республики Ахмениджадом, еще раз подчеркнул, что иного пути перед новым Советом нет, кроме как мобилизовать силы общественности и творческого ума для борьбы как с косностью и бюрократизмом внутри России, так и с внешними противниками, которые, теперь, в условиях санкций для обеих стран стали общими.

Знаменательно и то, что первыми среди выступивших к учредительному собранию обратились с приветствием от религиозных общин представители от руководства Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман — Ренат Абянов и от Московского патриархата Русской православной церкви — Илья Кашицын. Межрелигиозные связи с Ираном давно существуют, сотрудничество регулярно поддерживается, и это — залог успешной работы создаваемого Совета на пути борьбы со злом, насилием и несправедливостью, которые сеют между народами имперские силы глобализма.

Эту же мысль поддержал своим философским выступлением Председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль. «Задача борьбы с Сатанизмом и мировым Злом, как никогда, актуально сейчас для Ирана и России и на этой дороге нам по пути», — сказал он. Решения и предложения РИСОС — прекрасный инструмент для мобилизации здоровых проиранских сил в российском обществе.

О необходимости активизировать российско-иранские отношения по самым разным направлениям говорили и остальные участники. С этой целью было предложено создать, помимо коллективного руководящего органа — Президиума РИСОС, более десятка специализированных рабочих комиссий, главным образом для выработки предложений по оживлению торгово-экономического сотрудничества, развитию взаимодействия в областях науки, культуры, образования, здравоохранения, спорта, туризма и в других сферах.

С глубокой озабоченностью и, даже с горечью, звучали голоса выступавших, что до сей поры все решения Правительства и обещания самого Президента по Ирану, касающиеся продуктивного и реального их осуществления, тонут в болоте бюрократизма или злонамеренного саботирования среднего звена чиновников, страдающих антииранским духом западного либерализма. Борьба одиночек с ними, отдельных представителей бизнеса, в том числе в банковской сфере, пока практически закрытой из-за санкций, бесполезна. Как раз для принятия коллективных решений и формирования общественного мнения и нужен Российско-иранский совет по связям с общественностью.

Торгово-экономическое сотрудничество с Ираном, словно по злой сатанинской воле, переживает самые худшие времена со времен падения в 1979 году шахского режима Пехлеви. Годовой торгово-экономический оборот между РФ и ИРИ неуклонно падает и на сей день меньше 1 млрд долларов. Это буквально сотые доли процента от общего внешнего товарооборота России. За прошедший период с прошлого года действия подписанного в сентябре межправительственной комиссией нового Протокола с Ираном фактически не заключено ни одного нового контракта. И это при существовании более 100 позиций и проблем, с которыми согласились обе стороны! Дальше обмена торговыми делегациями и достигнутыми некоторыми договоренностями взаимодействия между провинциями Ирана и субъектами Российской Федерации серьезно дело не идет. По непонятным причинам оказалось замороженным «большое нефтяное соглашение» («Нефть в обмен на товары»). Участники вновь вспомнили об этой проблеме, прозвучавшей из уст Сафарова в вопросе к Владимиру Путину. Совету непременно придется снова заострять и этот вопрос перед руководством страны.

Может быть, соглашения и взаимопонимание в области военного сотрудничества, существующие обязательства по обеспечению безопасности обеих стран откроют дорогу для прорыва по застоявшимся экономическим направлениям. Ведь, к примеру, нива научно — технического взаимодействия, особенно по применению передовых, мировых технологий, уже основательно заросла как санкционным бурьяном, так и не вспахивается из-за откровенного нежелания российских прозападных технократов работать с иранскими коллегами.

Во внешнеполитической области у России и Ирана есть немало точек взаимодействия и совместного противодействия своим общим противникам. Это солидарность и прямая поддержка режима Башара Асада в Сирии, готовность противостоять наркотрафику и террористическим угрозам, особенно в лице «Исламского государства Ирака и Леванта», распространению влияния и военному расширению НАТО в Европе вокруг границ Ирана и России. Есть хорошие подвиги в достижении договоренностей по Каспию. Обо всем этом и о многом другом, как о задачах создаваемого Совета, говорили участники Учредительного собрания.

Предварительная проработка проекта создания РИСОС показала, что многие властные структуры и государственные институты поддерживают его или, хотя бы, открыто не возражают против создания некоего «гласа народа» на таком, пока еще остающемся непростым, иранском направлении. Во всяком случае, можно назвать ключевым прорывом зачитанное на Собрании обращение к РИСОС от имени министерства экономического развития России, в котором было сказано, что минэкономразвития приветствует создание РИСОС, выражает уверенность, что внесет весомый вклад в развитие российско-иранского сотрудничества по линии общественно-политических кругов».

Для участия на учредительном собрании РИСОС были приглашены практически все ветви российской власти, общественно-политические деятели, представители интеллигенции и деловых кругов России. Учредительное собрание избрало на пост Председателя Российско-иранского совета по общественным связям Раджаба Сафарова, с чем мы его от души поздравляем и желаем на этом нелегком поприще больших творческих успехов!

Что привез российскому президенту Али Акбар Велаяти?

Официальное сообщение о встрече Владимира Путина со специальным представителем президента Исламской Республики Иран, советником Верховного лидера по международным делам Али Акбаром Велаяти не столько информирует, сколько интригует. Сама встреча проходила «за закрытыми дверями», подробности не разглашаются, а потому возьмем на себя смелость попытаться «сконструировать» свою версию произошедшего.

Как сообщает пресс-служба российского президента, Али Акбар Велаяти передал президенту России Владимиру Путину послание от Хасана Роухани. Фигура «курьера» в данном случае сама по себе вызывает огромный интерес. Велаяти — один из «тяжеловесов» иранской политики, с 1981 по 1997 год занимавший пост министра иностранных дел Ирана. Затем — работа в канцелярии Рахбара, участие в президентских выборах 2013 года и пост руководителя Центра стратегических исследований, на котором он сменил Хасана Роухани, после избрания последнего главой исполнительной власти Исламской республики.

Али Акбар Велаяти, сильный политик с уникальным стратегическим мышлением — один из тех, кто в действительности формирует внешнюю политику Ирана. Его личный приезд — уже само по себе доказательство того, что привезенное послание иранского президента носит более чем важный и принципиальный характер. И что, пожалуй, самое главное, свидетельство того, что содержание этого послания согласовано с Верховным лидером. Косвенными «подсказками» о характере как самой встречи, так и о содержании привезенного Велаяти послания может служить и состав участников с российской стороны: министр иностранных дел Сергей Лавров и министр энергетики Александр Новак, который за прошлый год стал настоящим специалистом по ирано-российским экономическим отношениям, поскольку именно через него проходила подготовка основных масштабных контрактов с Тегераном. И именно ему российским президентом было поручено после обвала мировых цен на нефть, поставивших под сомнение целесообразность «Большого нефтяного контракта» между Москвой и Тегераном — того самого, «иранская нефть в обмен на российские товары» — изучить возможность новых, «несырьевых» форм экономического партнерства наших стран. Логично предположить, что привезенное в Москву Али Акбаром Велаяти послание иранского президента содержит в себе инициативы Тегерана по развитию экономического сотрудничества. Чему в немалой степени способствует складывающаяся ситуация вокруг переговоров по иранской ядерной программе.

Ультиматум американского Конгресса

Победа республиканцев на выборах в Конгресс и очень неплохие шансы их кандидата на успех в предстоящей президентской гонке-2016, открыли «второе дыхание» у сторонников жесткой линии в отношении Ирана. Администрация Обамы лишь чудом смогла предотвратить принятие в январе нынешнего года «закона Кирка-Менендеса», предусматривающего ужесточение уже существующих санкций в отношении Ирана и введение дополнительных. Впрочем, это «чудо» имеет вполне «земное» происхождение — ошибка республиканцев, не согласовавших с Белым домом приглашение в Конгресс израильского премьера «неистового Биби» Нетаньяху. Который, как планировалось, должен был вдребезги раскритиковать политику Обамы в отношении Ирана.

Возмущенные столь грубым нарушением протокола в отношении президента-однопартийца, демократы в Конгрессе отказались поддержать законопроект, один из авторов которого — сенатор от Нью-Джерси Роберт Менендес, кстати, из их же партии. Но победа Обамы в данном вопросе — мало того, что временная, так и с серьезным «обременением». Рассмотрение «закона Кирка-Менендеса» в Конгрессе отложено на два месяца, а Обама получил ультиматум: либо к 24 марта соглашение с Ираном будет достигнуто, причем, в той редакции, которая устроит «ястребов» из Сената, Израиль и Саудовскую Аравию, либо в отношении Тегерана в обязательном порядке будут введены новые санкции и ужесточены уже существующие.

Любому беспристрастному наблюдателю ясно, что ультиматум Конгресса не выполним ни для президента США, ни для Тегерана. Соглашение, которое в той или иной мере устроило бы Иран, не получит одобрения в Конгрессе. Ну а то, что устроило бы «ястребов» и их союзников из Тель-Авива и Эр-Рияда, никогда не будет одобрено в Тегеране. И если раньше определенные политические силы в Иране еще питали надежды на возможность заключения сделки с Вашингтоном, то теперь, после решения американского Конгресса, вся хрупкость и тщетность иллюзий тегеранских реформаторов стала очевидной — Соединенным Штатам Иран в качестве партнера совершенно не нужен, а, следовательно, ни на какие уступки ради этого «партнерства» они идти не намерены. По сути, позиция иранских консерваторов и самого Верховного лидера, весьма скептически относившихся к усилиям президента Роухани и главы иранской дипломатии Джавада Зарифа нормализовать отношения с Западом, получила еще одно весомое подтверждение. Что называется, «из первых рук», из самого Вашингтона.

Стратегический выбор Ирана

Когда на Iran.ru писалось о том, что сближение между Москвой и Тегераном является объективной необходимостью, а потому — неизбежно, многие критики относились к этому высокомерно-скептически, воспринимали данные выводы как элемент пропаганды. Дескать, российские сторонники партнерства двух стран выдают желаемое за действительное. В реальности же, сделанные нами выводы опирались не на эмоции, а на знание ситуации и всесторонний анализ происходящего. И не в последнюю очередь — на понимание принципов, из которых исходит высшее иранское руководство при формировании внешней политики Исламской республики.

Верховный Лидер Али Хаменеи, советник которого, Али Акбар Велаяти, был принят вчера Владимиром Путиным, предупредил граждан своей страны о тщетности надежд на достижение соглашений с США еще в начале нынешнего года. В опубликованном на его сайте заявлении говорилось, что хотя он и не препятствует проведению переговоров по ядерной программе Ирана с представителями «шестерки», но не верит в возможность снятия санкций. «Американцы открыто заявляют, что даже если Иран пойдет на уступки в своей ядерной программе, то санкции против него не будут немедленно отменены», — говорится в заявлении, — «учитывая это обстоятельство, стоит ли им доверять?»

И в этом же открытом обращении к стране Рахбар призвал иранцев не «предаваться иллюзиям», а больше внимания уделить тому, чтобы и экономика, и общество страны выработали иммунитет к западным санкциям. Помимо прочего, это был и ответ на заявления реформаторов о том, что причиной сложности в экономике является антиамериканский курс и антизападная позиция Тегерана. Не вступая в полемику, Верховный лидер в своем обращении поставил точку на этой дискуссии, напомнив критикам, что «вопреки односторонним санкциям и множеству трудностей, Иран достиг серьезных успехов в промышленности и науке, а те, кто считают по-другому, глубоко заблуждаются». Собственно, после этого заявления Рахбара стало понятным, что курс реформаторов «на Запад» признан несостоявшимся, а основное внимание должно быть уделено тому, как именно Исламская республика должна строить свою внешнюю и внутреннюю политику в условиях, когда переговоры с США и их союзниками себя исчерпали и являются лишь «протокольной необходимостью».

И снова о встрече Президента Владимира Путина и Али Акбара Велаяти

Есть только две страны, партнерство с которыми дает Тегерану возможность и в полной мере проводить суверенную политику, и эффективно противостоять внешним угрозам и вызовам — от «холодной войны» с региональными союзниками США, Израилем и Саудовской Аравии, до противостояния экспансии радикалов-исламистов и трансграничной преступности. Эти страны — Россия и Китай.

Но очевидно и другое. Идиллической картины, когда Владимир Путин, Хасан Роухани и Си Цзиньпин, взявшись за руки, гуляют по паркам Москвы, Пекина или Тегерана, негромко напевая при этом «Подмосковные вечера» или что-то аналогичное из китайских или иранских мелодий, не будет. При отсутствии серьезных разногласий по политическим вопросам с Пекином Тегеран, насколько это возможно, сдерживает развитие экономических связей. А если точнее, то экспансию китайских товаров на свой рынок. Что вполне логично, поскольку экономики двух стран попросту не сопоставимы, и, открой Иран свои двери более дешевым в производстве китайским товарам народного потребления, на некоторых отраслях промышленности можно будет смело ставить жирный полумесяц.

Разумеется, Пекин от сложившейся ситуации не в восторге. И следуя основному принципу иранской политики — соблюдение баланса во всех

Тегеран крайне заинтересован в расширении российского присутствия в иранской экономике

сферах — Тегеран крайне заинтересован в расширении российского присутствия в иранской экономике. Особенно в таких стратегических ее отраслях, как, к примеру, энергетика, производство промышленного оборудования, транспорт и некоторые другие.

Именно это и определяет повестку дня российско-иранских отношений в экономических вопросах. «Большой нефтяной контракт» требует серьезной доработки с учетом происходящего с

мировыми ценами на нефть. «Атомный контракт», закрепляющий позиции России в иранской атомной энергетике, подписан и реализуется. Но есть еще как минимум четыре совершенно прорывных проекта: «энергетический мост», участие в реконструкции иранских железных дорог, сотрудничество на рынках газа и поставки сельскохозяйственной продукции, частично замещающие потери России от введенных против нее санкций.

«Железнодорожные» вопросы не требовали присутствия на встрече Сергея Лаврова, а «сельскохозяйственный» предполагал бы участие в ней министров несколько иного профиля, чем Александр Новак. Поэтому следует предположить, что в послании, которое от иранского президента Али Акбар Велаяти привез президенту России, содержатся новые предложения Тегерана о сотрудничестве в энергетической сфере.

В первую очередь — по реализации проекта «энергетического моста» между нашими странами, который предусматривает экспорт 500 МВт российской электроэнергии в Иран, строительство новых генерирующих мощностей и практически полную модернизацию иранских распределительных электросетей. Заметим, что «цена вопроса» составляет от 8 до 10 миллиардов долларов. И здесь как нельзя более уместным будет заметить, что в связи с решением Тегерана перейти на взаиморасчеты в национальных валютах, серьезного «удорожания» контракта для наших стран не произойдет. Не исключено, что в пакете иранских предложений есть что-то еще, не менее интересное и взаимовыгодное. Представляется, что в ближайшее время мы все об этом узнаем.

* * *

Но главное во встрече российского Президента с Али Акбаром Велаяти заключается не столько в экономических, сколько в политических аспектах. И своим посланием, и выбором кандидатуры посланника Тегеран сигнализирует Москве, что не испытывает иллюзий в отношении переговоров с США и подтверждает свой выбор в пользу стратегического партнерства с Россией. Предоставляя в качестве гарантий подобного выбора серьезные экономические преференции. Москва вновь получила шанс совершить прорыв на «восточном» направлении своей политики. И очень бы хотелось, чтобы вопреки сопротивлению российского антииранского лобби этот шанс наконец-то был использован.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Амоль, провинция Мазендеран

